ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ГУДЕРИАН

МОЖНО ЛИ ЗАЩИТИТЬ ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ?

(Перевод с германского)

ИЗДАНИЕ ГЁТТИНГЕН
1950

GENERALOBERST GUDERIAN

KANN WESTEUROPA VERTEIDIGT WERDEN?

IM PIESSE – VERLAG GŐTTINGEN
1950

ПРЕДИСЛОВИЕ

«МОЖНО ЛИ ЗАЩИТИТЬ ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ?»

(Generaloberst Guderian. «KANN WESTEUROPA VERTEIDIGT WERDEN?») — одна из первых послевоенных работ Гудериана (бывшего генерал-полковника германской армии в период **1941** — 1945 гг.), изданных в Западной Германии. Брошюра вышла в свет в 1950 году, после реабилитации Гудериана и освобождения его из лагеря военнопленных в американской зоне оккупации Германии. Автор брошюры, используя исторические факты (с 400 гг. нашей эры, за 500 лет до т.н. «крещения Руси»), показывает, что Германия издревле занимает особое место в Западной Европе и призвана выполнять историческую миссию по её защите от внешней агрессии, в том числе от марксизма во всех его проявлениях и от агрессии со стороны народов, психика и культура которых оказалась запрограммированной (одержимой) идеологией этого богоотрицающего (атеистичного) учения.

В своей работе Гудериан также указывает и на причину потери уважения прочих народов к белой расе, и на отсутствие у западного конгломерата идеи, с помощью которой можно было бы преодолеть марксову идею (марксизм). При этом он настойчиво призывает западные страны-победительницы породить такую идею (раз идея национал-социализма — т.н. народническая идея — их не устраивает). В настоящее время такая идея есть, это — Концепция общественной безопасности (сокр. КОБ); все материалы КОБ размещены в Интернете на сайте: www . dotu . ru

Брошюра не потеряла своей актуальности и по сей день, ибо настоящее всегда есть следствие прошедшего. Она интересна всем, кто способен читать с соображением, видеть причинно-следственные связи и самостоятельно думать по-крупному. Идея же национал-социализма — т.н. народническая идея — доходчиво изложена в работе Адольфа Хитлера «МОЯ БОРЬБА» (Adolf Hitler. «MEIN KAMPF»); русскоязычный перевод можно скачать из Интернета по адресу: http://mhera.ru/2010/03/18/book-hitler/#comments

ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА

Многочисленные письма с высказываниями бывших солдат побуждают меня сказать своё слово по вопросу, который составляет заглавие этой книги, так как ответ на него имеет решающее значение для всего нашего народа, для его ближайшего и более отдалённого будущего. Я сознаю, что приходится говорить о нерешённой проблеме, тем более что участие германцев в её разрешении подвергается оживлённому обсуждению и вызывает серьёзные разногласия. Многие, как мне известно, считают нежелательным, чтобы бывшие генералы высказывались по этому вопросу. В течение пяти лет нас оскорбляли и унижали. Нас особенно упрекали в том, что в последние годы мы не высказывали достаточно ясно своего мнения. Мы не желаем больше подвергаться этим упрёкам. Поэтому да будет мне позволено изложить мнение значительной части тех людей, сотрудничество которых в течение пяти лет отвергали, а теперь, наконец, стали считать необходимым.

Часто утверждают, будто мы стремимся к «сделке» или хотим «заработать», когда говорим о предпосылках, которые должны быть созданы, прежде чем германцы возьмутся за оружие в интересах обороны Западной Европы. Нам чуждо торгашество. Мы не желаем ни спекулировать, ни торговаться. Но мы хотим, чтобы германская молодёжь была принята в состав новой Европы как партнёр, равноправный во всех отношениях, чтобы наш народ обладал таким единством, такими правами и такой свободой, которые каждый свободный народ должен считать неотъемлемой основой своего национального существования, если он не хочет обречь себя на гибель.

Пусть старые и молодые солдаты действуют так, как им подсказывает их совесть! Пусть они всегда помнят, что делают это для Германии. Только при наличии здоровой и сильной Германии будет существовать жизнеспособная Европа. Тот, кто хочет, чтобы жила Европа, пусть создаст новую Германию!

31 октября 1950 г.

I. ПРЕДЫСТОРИЯ

Тот, кто ищет ответа на вопрос, поставленный в названии этой книги, должен вооружиться глобусом или картой мира. Если он посмотрит на Европу, то увидит, что наша часть света, которой мы так гордились, представляет собой только скромную полоску земли на западной оконечности обширного материка, образуемого Советским Союзом, Китаем, Индией и многими другими государствами. Кроме этого материка, жителями западной окраины которого мы являемся, наш земной шар имеет ещё второй и третий материки — американский континент и Африку — и ряд крупных островов, наибольший из которых — Австралия.

Современная техника сократила расстояния между континентами. В конце прошлого столетия из-под пера француза Жюля Верна вышел роман «Путешествие вокруг света в 80 дней». Тогда этот срок считали фантастическим; сейчас, когда самолёт за несколько дней может облететь земной шар, он кажется нам весьма продолжительным. В недалёком будущем, когда роль транспортных средств станут выполнять управляемые на расстоянии ракеты, и этот довольно скучный способ сообщения будет вызывать улыбку.

Признавая великое значение нашей части света благодаря большой плотности её населения, природным богатствам, промышленности, древней богатой культуре, мы всё же вынуждены, вследствие бурного развития современной техники, пересмотреть существовавшие до сих пор взгляды и оценку силы и жизнеспособности Европы. Злополучный раскол нашей части света в результате последней мировой войны привёл к тому, что обширные производительные районы, которые мы привыкли причислять к Западной Европе, отныне политически и экономически относятся к Восточной Европе. И как раз сердце Европы — Германия разорвана пополам и тем самым в корне подорвана её жизненная сила.

Мы, все те, кто после завершения великой схватки нашёл пристанище в Западной Германии, когда миллионы из нас потеряли свой очаг, с понятным беспокойством наблюдаем за ходом современных событий. Можно ли защитить Западную Европу? У кого из нас не возникает этот важнейший вопрос каждое утро, едва мы успели проснуться, и каждый вечер, перед тем как заснуть?

Географическое расселение германского народа тысячелетиями оставалось неизменным. Германцы всегда жили в центре Европы. Вследствие этого они всегда, вольно или невольно, принимали участие в битвах, потрясавших эту часть света. Все крупные передвижения народов из Азии в Европу наталкивались, прежде всего, на германцев, которые должны были отражать или останавливать их, если только превосходящие силы врага не принуждали их отступить. В результате этого все прежние достижения оказывались утраченными, и их приходилось восстанавливать путём новой колонизации потерянных территорий, что тянулось столетиями.

Следует привести факты из истории, иллюстрирующие данное утверждение. При этом мы должны будем учесть, что германцы, предки теперешних германцев, всё больше оттеснялись на запад из своих первоначальных областей расселения, заходивших далеко вглубь России, и что более позднее движение с запада на восток нужно рассматривать как обратное движение из области расселения, ставшей слишком тесной.

Древнейшим движением такого рода, вошедшим в историю, было переселение народов, кульминационным пунктом которого явилась битва на Каталаунских полях, где в 451 г. римляне, заключившие союз с вестготами, бургундами и франками, под командованием Аэция разбили гуннов, которых возглавлял Аттила. Римский полководец заранее осложнил свою задачу тем, что в 435 г. он, с помощью гуннских наёмников, нанёс уничтожающий удар германским племенам на Райне, особенно бургундам. Благодаря этому гуннам, под предводительством Аттилы, удалось покорить большинство германских племён, заставить их следовать за своим войском и опустошить всю Европу до окрестностей Орлеана. Разбитый под Шалоном войсками Аэция, которым помогали остатки бургундов, король гуннов в следующем году вторгся в Верхнюю Италию и захватил её; часть перепуганных жителей бежала к лагунам на Адриатическом море, где они основали город Венецию. Только смерть Аттилы прекратила грандиозный мировой пожар конца средних веков. Его империя распалась. С трудом создавали германские племена новую Европу на развалинах прошлого.

Эта новая Европа нашла своё самое яркое политическое воплощение в империи Карла Великого. После первоначальных столкновений с германскими племенами, всё ещё пребывавшими в

язычестве, Карл добился известной устойчивости положения, создав на востоке Германии марки[1] для защиты от Востока и изгнав арабов из юго-западных областей. После раздела его империи защита Европы от опасности, угрожавшей ей с востока, стала задачей германцев.

Ближайшим врагом, угрожавшим существованию западной культуры, были венгры, двигавшиеся из России. Для защиты от них Генрих I строил замки и возводил укрепления, став, таким образом, основателем городов. Для защиты от них он создал германскую армию. Его сын, Оттон Великий, разбил венгров в 955 г. на Лехском поле и тем самым окончательно уничтожил эту опасность. Оттону удалось также вновь распространить германское влияние на севере на область Хавель и тем самым более надёжно обеспечить безопасность для коренных германских земель.

Третья крупная волна вторжения с востока пришла в лице монголов. Чингисхан со своей превосходной конницей, завоевав Китай, захватил всю Западную Азию. Его внук Батый покорил Россию, Балканы, Венгрию и Моравию. В битве под Лигницем (Лигница) в 1241 г. войскам силезского рыцарства и полякам удалось задержать могучий ураган только потому, что смерть великого хана Октая заставила монгольских владык вернуться в Азию для избрания его преемника и военные действия были прерваны. Германский император был связан в этот крайне критический момент войной в Италии и отклонился от выполнения своей важнейшей задачи — защиты империи от натиска с востока. Гибель Гогенштауфенов в Италии вызвала в империи многолетние распри, которые нанесли большой ущерб делу выполнения её исторической миссии.

Защита от опасности, угрожавшей с востока, стала обязанностью отдельных местных правителей, среди которых особенно выделялся Тевтонский рыцарский орден. В результате длительной борьбы при активном участии всей Европы и даже всего христианского мира он германизировал побережье Балтийского моря и создал государство с чёткой иерархией. Однако недостаточно энергичная поддержка со стороны империи и внутренние распри привели к тому, что эта могучая организация распалась в 1410 г. Прибалтика (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия) в дальнейшем перешла к шведам, а потом к россиянам; остальные земли Тевтонского ордена, в большинстве своём, отошли к Польше.

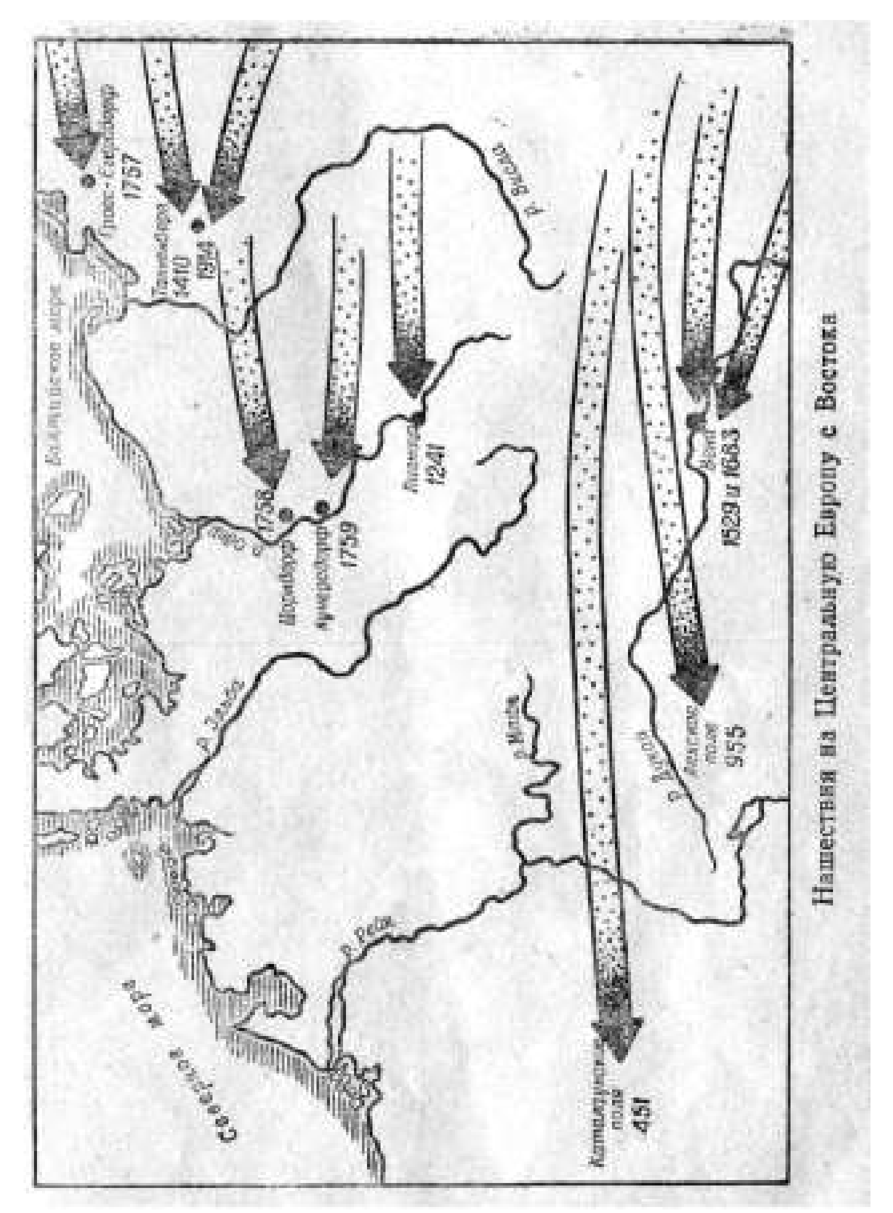
За нашествием монголов и сражением с литовцами последовала война с турками. Турки завоевали Малую Азию и Балканы, увенчав свои успехи в 1453 г. захватом Константинополя и разрушением Восточной Римской империи. Но этим дело не ограничилось. В то время как император Карл V увяз в тяжёлой борьбе против французов и итальянцев, султан Сулейман Великолепный, воспользовавшись благоприятной возможностью, вторгся в Богемию. И пока германцы и французы дрались в Италии с папой, турки в 1529 г. дошли до Вены. Потом Тридцатилетняя война ввергла Центральную Европу, не без участия шведов и французов, в бесконечную смуту и вызвала её ослабление, которое удалось преодолеть только через несколько столетий.

Слабость Европы после Тридцатилетней войны и её неспособность к энергичным действиям снова вызвали активность турок. В 1683 г. Вена опять подверглась осаде. Битва при Каленберге и последовавшие за ней походы принца Евгения Савойского спасли Европу от окончательного подчинения турецкому владычеству. Затруднительное положение империи и одновременно всей Европы использовал французский король Людовик XIV, начавший свои разбойничьи войны на западе Германии.

Тем временем турецкая опасность сменилась вновь возникшей российской опасностью. Пётр Великий добился для молодой империи доступа к Балтийскому морю. В союзе с Польшей и Данией он победил шведского короля Карла XII, который отважился выступить против Москвы, не имея для этого достаточных сил. Карл перешёл Березину и занял Смоленск. Однако вместо того, чтобы, не теряя времени, продолжать наносить удар в решающем направлении, он повернул на Украину. Там он был разбит под Полтавой и оттеснён в Турцию. Царь Пётр выиграл время и получил возможность для завоевания побережья Балтийского моря.

---

[1] Марки — пограничные округа с военным управлением, существовавшие в Германии в средние века.

Нашествия на Центральную Европу с Востока

Отныне Россия стала великой державой на востоке. Защиту Европы от этой державы взяли на себя Австрия и Пруссия. Оба государства отнюдь не всегда сознавали эту свою миссию. Когда императрица Мария Терезия во время Семилетней войны сочла, что ей не справиться с королём Фридрихом, она заключила союз не только с Францией, но и с Россией. В 1757 г. россияне появились в Восточной Пруссии и разбили слабые прусские войска, которые король Фридрих смог там оставить ввиду угрозы вторжения с разных сторон. Победы короля при Росбахе и Лейтене дали ему передышку. Однако уже в следующем году россияне, производя страшные опустошения, продвинулись до Одера, где в результате кровопролитной битвы при Цорндорфе, севернее Кюстрина, они были остановлены и затем вынуждены отступить. Однако и 1759 г. они опять появились на сцене, объединились с австрийцами, которыми командовал Лаудон, и при Кунерсдорфе нанесли прусскому королю удар, едва не погубивший его. «У меня нет больше никаких ресурсов, и я считаю, что всё потеряно; я не переживу гибели моего отечества», — писал он. Разногласия между победителями спасли Фридриха. В 1762 г. умер его главный враг — царица Елизавета. Её преемник Пётр III заключил мир.

После убийства Петра на царский трон вступила Екатерина II. Главной целью этой императрицы была экспансия на запад: она пыталась достигнуть её путём уничтожения польского государства. Эта политика привела к первому разделу Польши, за которым последовали ещё два, в результате чего с польским государством было покончено. Россия проглотила львиную долю. Австрия и Пруссия получили прилегавшие к ним земли Польши. С устранением Польши Россия стала непосредственным соседом германцев. Со времён Екатерины, распространявшей влияние западной культуры и, в частности, французской литературы периода просвещения на высшие слои населения России, последние всё больше стали причислять себя к Западной Европе. Поэтому после французской революции, свергнувшей королевскую власть во Франции, российский царь также оказался в рядах коалиции, боровшейся за восстановление французской монархии. После того

как эта попытка не удалась, царская Россия приняла участие в борьбе против Наполеона, пока Александр I после Аустерлица, Иены и Ауэрштедта не заключил союза с французским диктатором за счёт своих прежних союзников.

Между двумя континентальными колоссами, временно заключившими союз, лежала разбитая Германия. Кроме этих развалин существовала Британская островная империя, покорение которой воле западной континентальной диктатуры нужно было обеспечить путём экономического нажима. Однако намеченная Наполеоном континентальная блокада не соблюдалась Россией и потому была неэффективной. Это привело к разрыву между европейскими диктаторами и к войне 1812 г. Наполеон, как и его предшественник Карл XII, рвался к Москве. Так как он не дал отговорить себя от осуществления своей главной цели, он достиг её, хотя и не добился желанного мира. Царь Александр твёрдо настаивал на своём требовании — вести переговоры только после того, как противник покинет священную землю российского государства. Армия насильственно объединённой Европы под командованием Наполеона была застигнута зимой и уничтожена скорее стихийными силами вражеской страны, чем военными средствами.

Россияне преследовали своего западного противника до его полного поражения в собственной стране и до оккупации его столицы — Парижа. На Венском конгрессе они впервые оказали влияние на решение вопроса об установлении новых границ на европейском континенте. Новая Европа, возникшая в 1815 г., включала также и Россию.

Венский конгресс был образцовым во многих отношениях. Здесь встретились императоры, короли, князья и государственные деятели всех наций. Были организованы блестящие празднества. Однако, несмотря на внешний блеск, который можно было там наблюдать непосредственно после тяжёлых военных лет, была проведена и большая работа, обеспечившая измученной Европе длительный и прочный мир, почти беспримерный в истории. Когда сейчас спрашивают, чем объясняется этот успех старой дипломатии, которую так много бранят, нужно, в первую очередь, указать на то, что державы-победительницы обращались с побеждённой Францией как с равной. Победители считали тогда, что последняя война велась не против Франции, а только против Наполеона, и что поэтому не французский народ, а только диктатор Франции должен нести ответственность за бедствия, которые обрушились на европейский мир в ту эпоху. Таким образом, Франция была допущена на Конгресс как равноправный партнёр; её министр иностранных дел Талейран, руководивший внешней политикой Франции и при Наполеоне, представлял теперь короля Людовика XVIII и играл в высшей степени видную роль. Разумеется, окончательное единство взглядов по поводу будущего устройства Европы было достигнуто только в результате тяжёлой борьбы. Временами бывшие союзники оказывались на пороге новой войны. Однако возвращение Наполеона всё же привело к единству. 8 июня 1815 г. был создан Германский союз, 9 июня был подписан Венский заключительный акт. Установленные им границы вместе с изменениями, внесёнными в результате заключения 20 ноября 1815 г. второго Парижского мира, образовали основу для мира, которым Европа пользовалась долгие годы.

Благодаря мудрости и умеренности, проявленным державами, победившими Наполеона в освободительных войнах, Венский конгресс стал вечным поучительным примером в истории. Государственным деятелям и монархам удалось тогда выиграть не только войну, но и мир. Особенно примечательным событием было включение России в европейское сообщество народов. Верхушка российского общества всё больше врастала в западноевропейскую культуру и цивилизацию; однако, к сожалению, только верхушка.

Широкие массы оставались на низкой ступени культуры. Неоднократные попытки некоторых царей поправить дело терпели неудачу. Так бедственное положение широких масс создало питательную среду для революций, которые всё чаще потрясали гигантскую империю, пока первая мировая война не привела к свержению царизма и к победе марксистской революции.

Однако в то время как внутри своей империи царям не удалось обеспечить переход от абсолютизма к современному государственному строю, в области внешней политики они добились серьёзных успехов в смысле завоеваний. Вскоре после освободительных войн началась российская экспансия — сначала за счёт Турции, потом в Персии, потом снова за счёт Турции в Закавказье.

Протянув руку к Дарданеллам, российский царь вызвал выступление западноевропейских держав. Враждебные отношения с Англией привели к Крымской войне, в которой на стороне Запада против России боролись, кроме Англии, Турция, Франция и Италия. Царский абсолютизм потерпел жестокое поражение; впервые его авторитет был серьёзно подорван. Если после

Венского конгресса он занимал господствующее положение в Европе, то теперь он должен был умерить свои претензии.

После Крымской войны российская экспансия обратилась на восток. Были завоёваны или захвачены иным способом районы Кавказа между Чёрным и Каспийским морями, области на Амуре и Уссури. В Средней Азии россияне продвинулись до Ташкента, Самарканда, Бухары, Хивы и Коканда. Профессор Гётч называет это «бегом к границе, навстречу степи, пустыне и нецивилизованным народам». Он считал это «распространением европейского влияния на Азию» и говорил об «опасности столкновения великих держав» («Основные моменты истории России», стр. 139, Издательство К. Ф. Келлер, Штуттгарт). Транссибирская магистраль связала Москву с Дальним Востоком. При последнем царе, в 1904 - 1905 гг., разразилась война с Японией, закончившаяся крупным поражением России и вызвавшая ещё более тяжёлые последствия, чем Крымская война. Силы колосса были перенапряжены, хрупкость существующего строя стала очевидной. Первая мировая война 1914 - 1918 гг. доконала царизм. Ленин взял в свои руки власть. Тем самым Россия повернулась лицом к Востоку; она перестала быть державой с европейской идеологией и стала азиатской страной. Центр тяжести империи всё больше перемещался на восток, что нашло своё наиболее яркое выражение в том, что вместо Ленинграда новой столицей стала Москва. Державы-победительницы в первой мировой войне в течение некоторого времени не понимали характера новой державы. Они надеялись, что по экономическим причинам Советская республика проделает обратное развитие в западном духе. Однако эти надежды не осуществились.

II. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

В противоположность великим западным державам национал-социализм, пришедший в 1933 г. к власти в Германии, видел в лице гигантской великой державы на востоке, с её марксистским учением в экономике и с её диктаторской политикой силы, своего будущего противника. Поэтому он беспощадно боролся с марксистской идеологией. Правда, надежды Хитлера на то, что западные державы поймут его теорию (учение) и тем самым дадут ему свободу действий на востоке, не осуществились. Он потерпел неудачу при попытке убедить правительства западных держав в искренности своих намерений, тем более что его позиция в отношении Чехии весной 1939 г. вызвала резкие разногласия с Англией, так как он нарушил Мюнхенское соглашение. Хитлер заблуждался, полагая, что Англия и Франция не нанесут ему удара в спину, если он разобьёт сначала Польшу, а затем своего главного противника — СССР. Он убаюкивал себя обманчивыми надеждами на то, что ему будет обеспечена свобода действий на востоке, если он при этом откажется от всякой экспансии на западе. Убеждённый в том, что СССР отнюдь не является только «другой формой демократии», а представляет собой грубую форму диктатуры и величайшую опасность для Западной Европы; убеждённый далее в том, что ему и Германии представляется последняя возможность оттеснить колосса, который становится всё сильнее, и тем самым сохранить свой народ и одновременно всю Западную Европу, он создал диктатуру для уничтожения другой диктатуры. После того как сорвалась попытка включить Польшу в свою систему без войны, он решил подписать договор с Советским Союзом и силовым методом разрешить польский вопрос, чтобы предупредить таким образом попытки западных держав заключить союз с Советским Союзом. Эта политика, против ожидания Хитлера, втянула его в войну с Англией, а потом, в результате английского нажима, — и с Францией. В 1941 г. Хитлер порвал с Советским Союзом. В ходе этой войны случилось то, что уже неоднократно в истории Европы ослабляло её силу отпора опасности с востока, — западные государства, получившие позднее усиление в лице могущественной державы — США, заключили в 1941 г. союз с СССР, а в 1944 г. высадились в Нормандии, в тылу у германцев, и сломили силы Германии, когда она вела тяжёлую борьбу с СССР, защищая уже только свою жизнь.

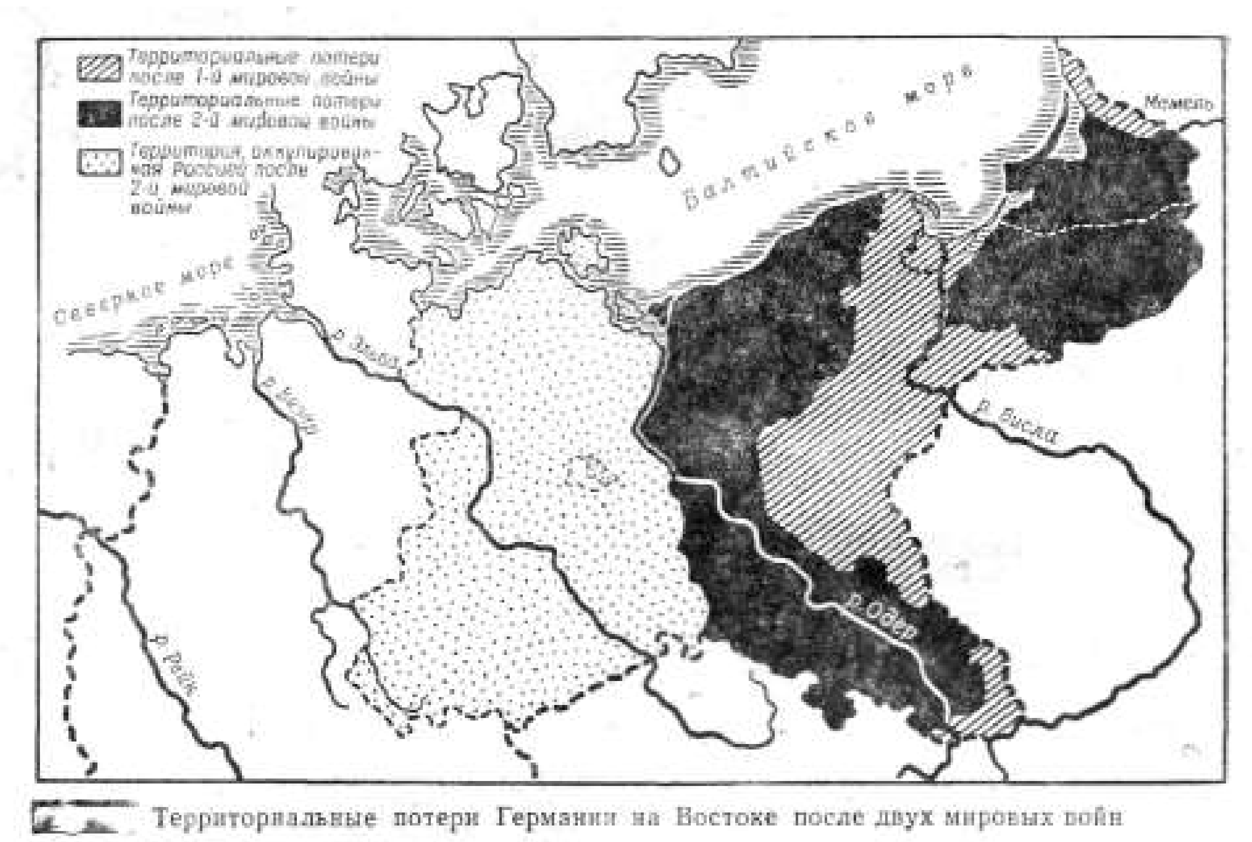
В противоположность своим предшественникам — Карлу XII шведскому и Наполеону — Хитлер вторгся в 1941 г. в СССР, не имея ясно поставленной цели. Уже в первые дни похода он отказался от своей первой идеи — очистить от врага побережье Балтийского моря и овладеть Ленинградом. В течение долгих недель он колебался: поставить ли своей целью, подобно его предшественникам, захват Москвы, что ему настоятельно рекомендовали военные советники, или двинуться, подобно Карлу XII, на Украину? Последнее он, в конце концов, и выбрал, так как военно-экономические соображения казались ему важнее, чем чисто военная необходимость. Кроме того,

он попал в условия распутицы и холодной зимы 1941 г. и, несмотря на достижения новейшей техники, уже не смог достичь слишком поздно поставленной цели — Москвы, центра Советского Союза, захват которого только и мог нанести решающий удар колоссу. Дело в том, что в 1941 г. Москва ещё была центром сети железных дорог европейской части СССР, восточнее которого ни одна крупная сквозная линия не связывала север с югом страны. Москва являлась центром связи, крупным промышленным городом и, наконец, резиденцией советского правительства и дипломатических миссий. Потеря этого центрального пункта советской системы, возможно, приблизила бы достижение Хитлером его главной цели — свержения марксистской системы. Для этого, безусловно, было необходимо обращаться с советским населением не так, как это делали имперские комиссары национал-социалистской партии. — Если хотели свергнуть систему, то нужно было привлечь на свою сторону население. Этого не было сделано. Система осталась и победила.

После поражения под Москвой зимой 1941 г. германское военное руководство приостановило операции, в то время как именно теперь нужно было проявить величайшую подвижность ограниченными силами. Последняя крупная попытка разрешить восточный вопрос путём наступления в 1942 г. потерпела неудачу, так как цели, поставленные перед этим наступлением, не соответствовали наличествующим силам и привели к их раздроблению.

Часть сил была брошена на Кавказ и часть на Волгу. Операции опять велись в условиях исключительно суровой зимы. Упрямство Хитлера, желавшего, во что бы то ни стало, удержать захваченные территории, оказалось грубой ошибкой. Последствием было поражение под Сталинградом — год спустя после катастрофы под Москвой.

И этого поражения оказалось недостаточно, чтобы убедить Хитлера в ошибочности его стратегии. В 1943 г., едва оправившись от этого потрясения, он вновь решил начать наступление с недостаточными силами на Курск, где не добился никакого успеха и понёс большие потери. Тем самым он настолько истощил свои силы, что создание достаточно прочного второго фронта на западе в 1944 г. было невозможно.

Территориальные потери Германии на Востоке после двух мировых войн

В 1944 г. случилось то, что сделал Аэций в 435 г. и Людовик XIV в 1681 г., — западные державы ударили в спину германцам, которые на востоке вели борьбу уже за одну только свою жизнь. Они разожгли повсюду в оккупированных германцами районах Западной Европы беспощадную партизанскую войну, вызвавшую взрыв ненависти и страсть к уничтожению, которые ещё и сейчас, спустя пять лет после окончания военных действий, отравляют атмосферу доверия и затрудняют создание западноевропейского единства.

Высадка войск западных держав в тылу у германцев, сражавшихся против Востока, произошла не без внутренних противоречий в стане наших тогдашних врагов. Уинстон Черчилль, английский премьер военных лет, предлагал высадиться на Балканах и оттуда действовать против крайнего южного фланга германцев. Такой план действий в случае удачи заставил бы германцев покинуть СССР и одновременно передал бы в руки западных держав Балканы, т. е. Румынию, Болгарию, Венгрию, Югославию и, возможно, Чехословакию.

Франция не пострадала бы от этой войны, так же как Голландия и Бельгия. Германию удалось бы принудить к миру, не предпринимая тех опустошений, которые, в конечном счёте, оказались произведёнными при осуществлении плана, принятого союзниками под советским нажимом. От желания западных держав зависело задержать советский натиск. Прозорливая политика западного партнёра — Великобритании, возможно, создала бы такую обстановку, с которой было бы легче справиться, чем с той, которая возникла в результате уступчивости требованиям Сталина.

Победа, достигнутая по плану Черчилля, привела бы к тому, что смогла бы образоваться Европа, находящаяся, главным образом, под влиянием Запада. В результате высадки в Нормандии и передачи Балкан Советам всё произошло иначе.

Благодаря огромному перевесу сил, западным державам, в союзе с Советским Союзом, удалось добиться выполнения их требования о безоговорочной капитуляции. При выдвижении этого требования главную роль сыграло сомнение в том, удастся ли вообще повергнуть в прах такого сильного противника, как Германия. Однако после Сталинграда и неудачных боёв германцев на Востоке и в Африке в 1943 г. трезвое изучение ситуации всё-таки могло ещё привести к иной позиции западных держав. Тогда бы не был убит «не тот телёнок».

Однако не одни только военные ошибки привели западные державы к их неправильному решению. — Советский Союз действительно считали тогда «другой формой демократии», с которой надеялись прийти к соглашению по экономическим и политическим вопросам, как только ненавистный и страшный противник — Германия — будет повержен в прах. Никто не задумывался над тем, как шло развитие Центральной и Восточной Европы на протяжении веков. Поэтому действовали, абсолютно не разбираясь в истинном положении вещей.

Расширение сфер влияния Советского Союза после второй мировой войны

Противники Германии победили и принудили своего поверженного врага к безоговорочной капитуляции и к полному разоружению. Они передали торжествующим Советам обширные части германской земли и создали в Европе политическую ситуацию, которая законно вызывает очень серьёзное беспокойство.

Территория к востоку от линии Одер - Найссе была поставлена частью под советское, частью под польское управление. Германское население этих областей было изгнано. То же самое произошло с населением Судетов, Трансильвании, Баната и всех тех областей, где германцы селились на протяжении веков. Целый поток людей — около 18 миллионов — должен был странствовать, после того как всё их имущество было отобрано. Треть этих несчастных погибла. Ещё осенью 1945 г. Советам разрешили перейти через Эльбу и продвинуться до р. Верра, до Гарца и до границ Брауншвайгера и Ганновера. Вартбург под Айзенахом и Майнинген — в советских руках. Тем самым граница Европы отодвинута даже дальше, чем граница владений Оттона Великого, который в 973 г. был погребён в Магдебургском соборе. Тем самым стёрта с лица Земли тысячелетняя история, германская колонизация, германская культура и цивилизация в Центральной Европе.

III. ОЧАГИ ПОЖАРА — ПОВСЮДУ

Возьмите карту деления Германии сегодняшнего дня на зоны и представьте себе наше положение и наши границы. Граница Западной Европы проходит от Аквилея[2] на берегу Адриатики

[2] Аквилея — населённый пункт северо-западнее Триеста.

через горы Караванке, Бургенланд и до Дуная у Прессбурга и далее вдоль моравско-богемской границы до Циттау, а оттуда вдоль линии Одер - Найссе. Но благодаря существованию оккупационных зон Советского Союза в Австрии и Германии сфера его господства простирается ещё намного дальше к западу от этой политической границы. На всей территории до Энса и до стен Пассау, а также, как мы уже говорили, до р. Верра и стен Любека расположились советские солдаты, правит советская администрация.

Вот какова «другая форма демократии», о которой мечтали западноевропейские политиканы ещё в 1945 - 1946 гг., когда они заполнили советскими судьями Нюрнбергский трибунал, чтобы судить защитников Европы. Можно как угодно судить о делах Хитлера, но когда оглядываешься назад, видишь, что его борьба велась в интересах Европы, хотя он и совершил при этом страшные ошибки и промахи. — Наши солдаты боролись и гибли за Европу, даже если каждый из них в отдельности и не сознавал этого.

Фланги этой западноевропейской позиции также ослаблены и находятся под угрозой. Турции угрожает изоляция. Греция образует блокированный с суши полуостров, который можно снабжать только по морю или по воздуху. На севере расположена храбрая Финляндия, находящаяся под постоянной угрозой. Швеция и Норвегия испытывают непрерывный нажим. Выход из Балтийского моря образует естественную цель агрессии с востока и потому находится под угрозой.

Северный Ледовитый океан, благодаря достижениям современной техники, в значительной степени утратил свою недоступность и предоставляет энергичным и выносливым советским новые транспортные возможности.

Прежний «Дальний Восток» значительно придвинулся к центру советской державы. Бросим ещё один взгляд в этом направлении и мы увидим, что Китай со своим населением, превышающим 400 миллионов человек, под властью Мао Цзэ-Дуна стал союзником Советского Союза и что западным державам угрожает опасность потерять его как рынок. Мы увидим, что в Индо-Китае кипит ожесточённая борьба французов и их протеже Бао-Дая против союзника Москвы — Хо-Ши-Мина. В течение двух лет мы слышим о брожении в Малайе, о красных беспорядках в Бирме. Мы знаем о заботах индийцев и об осторожности, с какой старается проводить свою политику Пандит Неру в современной чреватой опасностями обстановке; в Индонезии, с тех пор как голландцы были вынуждены дать ей независимость, тоже идёт непрерывное брожение.

С 25 июня 1950 года идёт война в Корее, которую сначала предпочитали называть полицейской операцией, потому что хотели избежать слова война. Но разве это не война, если люди стреляют друг в друга?

Во всяком случае, несомненно одно: гигантский евразийский блок стран, расположенных на территории от Тихого океана и почти до Атлантики, на которой распространяется марксистское господство, охватывает население примерно в 750 миллионов человек. На его периферии есть ещё несколько немарксистских стран, крупнейшая из которых, Индия, насчитывает около 400 миллионов человек. А на западном краю одного из двух жерновов современного мира прилепилась Западная Европа со своим 250-миллионным населением.

Если начать с государств, уже ведущих войну, то спустя пять лет после окончания последней войны мы обнаружим первый новый очаг войны — Корею; он уже зажжён. За ним грозят последовать Формоза, Гонконг, Французский Индо-Китай, Сиам, Малайя, Индия, Индонезия и затем нефтеносные районы Ирана и Ирака. В Центральной Азии ждёт своего разрешения вопрос о Тибете. (В конце октября 1950 г. войска Красного Китая вступили в эту загадочную страну). Эта гигантская территория окружается целой цепью американских и английских баз, которая тянется от Аляски в Северной Америке через Алеутские острова, Японию и Филиппины в Австралию и включает в себя Новейшее яблоко раздора — остров Формозу. Индийский океан фланкируется английскими базами — Сингапуром и Аденом. Американцы и англичане одинаково заинтересованы в нефтяных месторождениях Ирана, Ирака, Аравии и Египта. Англия охраняет также Суэцкий канал. Цепь очагов опасности простирается в Турцию, Грешно и Триест. Югославия представляет собой большой знак вопроса.

Здесь мы возвращаемся к исходному пункту наших рассуждений — к Западной Европе. Картина, которая нам представилась, была не особенно отрадной. Очаги пожара следуют один за другим. Никто не знает где, когда, кем и какой из них будет разожжён. Мы, германцы, на этот раз можем сначала быть лишь зрителями. Мы прежде часто желали исполнять эту роль, но теперь, когда нас вынуждают к этому, такое положение не даёт, собственно, никаких преимуществ

и скорее невыгодно. Наша страна против нашей воли может стать полем битвы.

Возможные очаги войны у границ советских сфер влияния

IV. ВОЕННЫЕ СИЛЫ В ЕВРОПЕ

1. Восток

Рассмотрим теперь вопрос о вооружённых силах обоих великих мировых блоков, стоящих пока друг против друга с оружием «к ноге!».

По сведениям, которыми мы располагаем, СССР в мирное время имеет в своём распоряжении примерно 175 дивизий. В случае войны число их может быть увеличено до 500. В настоящее время они нигде не связаны и заняты своим обучением. У них новейшее снаряжение и оружие, и единое хорошее командование. Военно-воздушный флот, который состоит, главным образом, из истребителей и штурмовиков, обладает значительной мощью. У нас нет достоверных сведений относительно бомбардировщиков дальнего действия, а также о том, в какой стадии находится процесс создания атомной и водородной бомбы и самолётов для их транспортировки; из сравнительно осторожной политики Кремля можно только сделать вывод, что этот процесс ещё не закончился. Флот, по-видимому, имеет значительное число подводных лодок, приспособленных для плавания в океане[3].

Из общего количества вооружённых сил в советской зоне оккупации Германии находятся восемнадцать танковых и механизированных дивизий, четыре моторизованные стрелковые дивизии, от четырёх до шести дивизий ПВО и несколько артиллерийских корпусов; в прежних провинциях Померании и Силезии стоят шесть стрелковых дивизий, вероятно, тоже моторизованных, — по три в каждой провинции. Кроме того, войска имеются в Польше, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Наконец, нужно упомянуть о народной полиции советской зоны оккупации Германии.

Все эти соединения весьма подвижны и, за исключением германской народной полиции, могут немедленно начать военные действия. Они находятся под единым командованием, их

---

[3] По оценке специалистов, СССР имеет в настоящее время более 380 подлодок, из них, по крайней мере, 130 новейшего типа. Строятся ещё 700 подлодок.
Германцы имели в начале второй мировой войны 67 подлодок; в ходе войны это число было увеличено до 500.

вооружение и обучение унифицировано, и их воодушевляет единая идеология. Перед ними стоит единая общая цель.

Остановимся на один момент на вопросе о человеке Востока. Мы увидим совершенно чёткий тип восточноевропейского, российского, или, точнее, азиатского человека с такими неприхотливыми потребностями, что западным народам это даже почти немыслимо себе представить, — выносливого, настойчивого, привыкшего к тяготам и к неудобствам континентального климата России и Азии. По своей способности переносить ужасы войны этот тип человека превосходит представителей всех других народов. Его почти никогда не видят в состоянии паники, от которой не застрахован ни один из народов западной культуры, когда начинается первый бой или применяется новый вид оружия. Ещё Фридрих Великий сказал о своих российских противниках, что их нужно дважды застрелить и потом ещё толкнуть, чтобы они, наконец, упали. Он правильно понял существо этих солдат. В 1941 г. мы были вынуждены убедиться в том же самом. Эти солдаты стойко защищали позиции, на которые были поставлены. Даже когда большая часть позиций была занята, последние защитники оставались на своих постах, и их нужно было либо убить, либо взять в плен в рукопашной схватке. Но сдавались они редко.

Мы видели российских женщин за работой. Это были здоровые, сильные женщины, и они умели браться за дело. И они были целомудренны! Они соблюдали свое достоинство. В этом народе-гиганте таится огромная самобытная сила. Её нельзя недооценивать!

Многие западные критики считают россиян отсталым народом, у которого особенно заметно отсутствие способностей к технике. От такого поверхностного суждения следует решительно предостеречь. Действительно, Россия позже западных стран вступила на путь технического прогресса. Однако неправильно говорить об отсутствии технических способностей. Гигантские сооружения из дерева, которые мы видели в России, заставляли скорее сделать заключение, что у россиян хорошо работает техническая мысль. Особенно это относится к конструкции мостов, которые обладали значительной грузоподъёмностью и прочностью. Это относится и к промышленным предприятиям последних десятилетий. По своим размерам и новейшему оборудованию они затмили некоторых своих западноевропейских конкурентов. То, что продукция этих предприятий первое время ещё не могла сравняться по качеству с изделиями западноевропейской промышленности, не должно никого удивлять. Тщательное обучение молодых рабочих, которое можно было наблюдать в мирное время на одном из крупных харьковских тракторных заводов, даёт право заключить, что со временем этот недостаток будет устранён.

Советский Союз имеет значительные достижения в области народного образования. Германские солдаты видели в России очень много новых хорошо оборудованных и богато оснащённых новейшими учебными пособиями школ, хорошие больницы, детские сады, спортивные площадки. Все эти сооружения были новыми, некоторые ещё не совсем закончены. Если же поговорить со знатоком царской России, то станет ясно, что достигнуты большие успехи, и что широкие массы населения начали жить лучше, чем при царизме.

Во время второй мировой войны и после неё было начато не только восстановление того, что было разрушено в военное время, но и грандиозное расширение промышленных предприятий и транспортных сооружений, о масштабах которого мы имеем только весьма неполное представление. Во всяком случае, новые заводы сильно рассредоточены и, вероятно, зачастую расположены под землёй, чем должна достигаться безопасность от действия атомных бомб.

В какой степени СССР приблизился к стадии полной экономической независимости, мы не знаем. Нефть и каучук, вероятно, ещё в течение долгого времени будут узкими местами. Однако предположение, что пробелы в этой области, в результате изысканий и использования азиатских ресурсов, со временем будут устранены — не выходит за пределы возможного.

Для ответа на наш вопрос решающее значение имеет отказ от недооценки Советского Союза Западной Европой, как в экономическом, так и в политическом и в чисто военном отношении. Как раз в военном отношении во время второй мировой войны выяснилось, что советское руководство во главе с И. Сталиным было хорошим, и что технические и тактические достижения были на высоте. У Запада нет никаких причин для заносчивости. Было бы гибельным почивать на лаврах победы, убаюкивая себя мечтами и ложными представлениями. Пробуждение могло бы быть не из приятных.

2. Запад

Рассмотрим теперь противостоящие силы Запада.

а) Франция

Франция в течение долгого времени была сильнейшей военной державой западноевропейского континента. Теперь она утратила это положение. Основная масса её вооружённых сил ведёт войну бесконечно далеко, в джунглях Индо-Китая, и потеряна для основного фронта западноевропейской обороны. Другие французские колонии пожирают остальные силы[4]. В Европе Хо-Ши-Мин, в качестве своей идеологической базы, опирается на национализм и марксизм, получает поддержку от Коминформа и всемерно использует обстановку социального брожения в массах индокитайского пролетариата. Идея Вьетмина — изгнание белого человека с Дальнего Востока — несовместима с концепцией «Французского Союза» («Пене Цюрихер цайтунг», 19 октября 1950 г.).

Американская военная помощь Франции вооружением для её войск в Индо-Китае достигает многих миллионов долларов. При этом Франция необходимо иметь двадцать дивизий. Жюль Мок, являющийся в настоящее время военным министром, объявил о намерении сражаться за Райном, как можно ближе к «железному занавесу». В настоящее время для осуществления этого мужественного намерения Франция имеет в своём распоряжении девять дивизий, не оснащённых современным оружием и не прошедших соответствующего обучения. США должны вооружить их заново.

Из упомянутых девяти дивизий во французскую оккупационную армию входит 5-я танковая дивизия, оснащённая устаревшими танками «Шерман», и две пехотные дивизии. Во Франции находятся четыре дивизии, в Северной Африке — две. Из дивизий, дислоцированных во Франции, только две достигают того невысокого уровня вооружения и оснащения, какой имеют войска других стран в оккупационных зонах; остальные ещё хуже.

В случае войны Франция могла бы выставить сорок дивизий, если бы имела вооружение. В 1939 г. французская армия насчитывала сто десять дивизий; к весне 1940 г. их число удалось увеличить до ста двадцати шести.

Как представляет себе военный министр Мок, принимая во внимание эти цифры, оборону Франции в районе, расположенном «как можно ближе к железному занавесу», остаётся его тайной. «Как можно ближе» — понятие довольно растяжимое.

Срок военной службы во Франции составлял до сих пор 12 месяцев, но должен быть увеличен до 18 месяцев.

б) Страны Бенилюкса

получает львиную долю кредитов в счёт военной помощи в рамках Северо-Атлантического союза.

Несмотря на эту щедрую помощь, французы вынуждены были оставить территорию у северо-восточной границы Индо-Китая до Красной реки, и даже за этой преградой войска Вьетмина уже создали предмостный плацдарм.

Что касается вооружённых сил, то в Индо-Китае в настоящее время находится около 166 000 человек, из них около 40 000 — солдаты иностранного легиона, в большинстве своём германцы, около 100 000 марокканцев, а остальные, вероятно, французы. Там же действует, видимо, треть сил французского военно-воздушного флота. Коммуникации растянуты.

В противоположность этому войска Хо-Ши-Мина обучаются на китайской территории и снабжены китайским оружием. Подвоз снаряжения идёт с китайских заводов и арсеналов. Линии коммуникаций короткие.

Устранить опасность объединения «Зелёного дракона» (Индо-Китай) с «Красным драконом» (Китай) не так просто. Вопрос «Европа или Индо-Китай?» является, пожалуй, самым серьёзным из вопросов, на которые предстоит сейчас ответить французам. Если Франция выберет Индо-Китай, кто тогда будет защищать Западную Европу?

Бельгия имеет одну дивизию, которая стоит в Германии как оккупационная часть. Она недоукомплектована.

Комплектуется ещё одна дивизия; в случае войны можно рассчитывать, что будет сформирована третья.

Срок военной службы — 12 месяцев.

Вооружённые силы **Голландии** существуют в настоящее время только на бумаге.

Люксембург имеет менее одной дивизии.

---

[4] В этом отношении характерно положение в Индо-Китае.

в) Северные страны (без Швеции)

Дания намечает создание двух неполных дивизий, **Норвегия** — двух бригад. Всё это запланировано пока только на бумаге.

г) Средиземноморские державы (без Испании)

Италия имеет в настоящее время восемь бригад, которые должны быть реорганизованы в дивизии. Позднее намечается довести число дивизий до двенадцати. Вооружение и оснащение недостаточное и устарелое. Имеются три альпийские бригады.

Греция — отрезанный остров, в счёт не идёт.

д) Морские державы — Англия и США

Следовательно, для эффективной обороны Западной Европы можно наскрести: восемь слабых итальянских дивизий и три альпийские бригады на итальянской территории (на других театрах войны не могут быть использованы); семь французских и одну бельгийскую дивизию в Центральной Европе; одну датскую и одну норвежскую дивизию на скандинавской территории, а всего — восемнадцать слабых, плохо вооружённых европейских дивизий, находящихся на континенте.

То, что оборона Центральной Европы не может быть обеспечена имеющимися здесь восемью дивизиями, не нуждается ни в каких пояснениях.

Следовательно, главная тяжесть этой обороны ложится на морские державы. Из них в Западной Германии находятся в боевой готовности:

от США — 1-я пехотная дивизия и полицейские силы, равноценные одной танковой дивизии;

от Англии — 2-я пехотная и 7-я танковая дивизии.

Эти дивизии представляют собой лучше всего вооружённую и наиболее способную к сопротивлению часть оккупационных войск, к тому же только они имеют в своём распоряжении значительное количество боевых самолётов.

Благодаря этому вкладу общее количество войск в Центральной Европе повышается до двенадцати дивизий.

Даны заверения, что американские и английские войска будут усилены. Подкрепления должны прибыть морем. Сколько на это понадобится времени, показывает Корея. При этом нужно учесть, что в настоящее время Великобритания не имеет ни одной дивизии на Британских островах; ближе всего расположена её 1-я дивизия (в северо-восточной Африке). По слухам, в 1952 г. число французских дивизий должно быть доведено до девяти-десяти, английских — до пяти-шести. К этому могли бы прибавиться ещё несколько бельгийских и голландских дивизий и, если будут доставлены из США материалы и оружие, такое же число дивизий второго эшелона. Однако до весны 1951 г. первые контингенты этих запланированных подкреплений не смогут прибыть на западноевропейский материк.

е) Нейтральные государства (Швейцария, Швеция, Испания)

Кроме упомянутых государств, к Западной Европе относятся ещё Швейцария, Швеция и Испания.

Эти три страны обладают сильнейшими армиями Европы (одна только Швейцария, по сообщению газеты «Нойе Цюрихер Цайтунг» от 11 октября 1950 г., имеет девять пехотных дивизий, три горно-стрелковые и три лёгкие бригады). Их население полно решимости стойко защищать территорию своей страны, однако участие в какой-либо коалиции зависит от того, нарушит ли агрессор их нейтралитет. Что касается Испании, то здесь имеет ещё значение недовольство западных держав «тоталитарной» формой правления; почему они и не поддерживают отношений с каудильо[5]. Только в самое последнее время США сочли возможным предоставить небольшой заём отщепенцу западноевропейской семьи народов; будем надеяться, что и здесь сознание необходимости победит злопамятство. Португалия, член Атлантического союза, пока в счёт не идёт.

Теперь следует обратить свои взоры к человеку Запада, чтобы сравнить его физические и духовные качества с качествами человека Востока. Мы увидим, что эти качества многообразны. Разносторонние склонности и дарования, несомненно, составляли преимущество западного мира, однако в суровые годы борьбы, когда нужно единство, это многообразие оказалось большим недостатком. По сравнению с жителями Востока люди западной культуры являются менее способными к сопротивлению внешним влияниям, менее закалёнными против стихийных явлений

[5] Каудильо — вождь.

природы, изнеженными мягким морским климатом, избалованными хорошими жилищами с отоплением, обильным питанием и хорошей одеждой. Поэтому они оказались весьма чувствительными к тяготам войны, когда внезапно, без всякой подготовки, попали в условия ведения военных действий на востоке.

Человеку Запада трудно составить себе правильное представление о трудностях, связанных с распутицей во время российской весны или осени, о суровой зиме, о недостаточно густой сети дорог, о плохих условиях размещения и передвижения, если он этого сам не пережил. В психологическом отношении западноевропеец также менее решителен и устойчив, чем представитель Востока.

Но, не говоря уже о физической и духовной уязвимости людей Запада, разнообразие их языков, обычаев и образа жизни — всё это делает невероятно трудным руководство войсками западноевропейских союзов. Груз тысячелетних традиций и обычаев сковывает тело и мозг такого составного организма вооружённых сил и создаёт невероятные трудности для полководцев, несущих за них ответственность. В такой пёстрой коалиции невозможно устранить влияние отдельных правительств. На примере ООН, её Совета безопасности и медлительности, с которой оказывалась на деле военная помощь Южной Корее (к США это не относится), мы можем представить себе, как будет функционировать этот аппарат.

Быть командующим такой коалиционной армией, значит поистине идти по тернистому пути. У восточного блока всё это значительно проще и потому надёжнее.

Если мы позволим себе, опираясь на скудные сведения, проникающие из Фонтенбло, сделать выводы относительно стратегии западных держав в случае войны, то они будут находиться в полном соответствии с той картиной духовного склада западноевропейского населения, которую мы только что набросали.

Говорят только об обороне. И это попятно, так как Западная Европа в стратегическом отношении находится в обороне против Востока. В таком же положении стратегической обороны против Востока, в каком сейчас оказалась вся Западная Европа, в течение столетий находилась Германия. Западная Европа, независимо от того, хочет она этого или нет, должна взять на себя ту роль защитника, которую играла по отношению к Востоку Германия и бывшая Дунайская монархия. Здесь как будто всё в порядке. Однако дело состоит в том, как понимать эту стратегическую оборону и как её организовать. То, что доносится из Фонтенбло, отнюдь не обнадёживает.

Там, особенно во французских кругах, говорят, что хотят сперва сделать самое важное, а самое важное — это оборона. Поэтому стремятся найти такую форму организации армии, которая больше всего подходит для обороны. Следовательно, становятся на точку зрения организации обороны путём создания оборонительных рубежей, как это было у французов перед 1939 г. с их «Линией Мажино». Новая «линия» должна проходить по Райну. Хотят защищать пространство между Альпами и Северным морем протяжённостью в тысячу километров. Для выполнения этой задачи имеются двенадцать дивизий, число которых со временем можно будет увеличить, в лучшем случае, до двадцати. Нет никакого сомнения, что с наличествующими силами или с теми, которые надеются создать, эта задача невыполнима, даже если войска, как предполагают французы, будут хорошо оснащены противотанковым оружием, зенитной артиллерией и транспортными средствами повышенной проходимости. Положение ничуть не улучшится, если «линия» будет перенесена на Эльбу или в Пиренеи. Эльба на всём протяжении, кроме маленького отрезка в нижнем течении, находится у Советов, а не у западных держав; она течёт не с юга на север, как это необходимо для организации обороны, а с юго-востока на северо-запад. Агрессору с Востока нет необходимости форсировать её для достижения своих целей; он может наступать вдоль реки. Что же касается Пиренеев, то для обороны на этой линии пришлось бы пожертвовать всей Западной Европой, за исключением Испании и Португалии.

Такую стратегию обороны нельзя назвать иначе, как стратегией слабости. Она заранее обречена на неудачу.

Пусть западноевропейцы довольствуются такой филантропической мозговой акробатикой. Мы, германцы, во всяком случае, не придаём никакой ценности подобному способу нашей «защиты».

Впрочем, до сих пор ещё ничего не сделано, чтобы эти рубежи, хотя бы один из них, стали обороноспособными, если не считать смехотворных и вызвавших беспокойство населения случаев подготовки к взрыву мостов. Приготовления, которые проведены до сих пор, можно назвать

скорее мерами для того, чтобы замедлить продвижение преследователя, чем серьёзными оборонными мероприятиями. Они не отражают непоколебимой решимости устоять и разбить врага.

Стратегия, которую избрали для обороны Европы, нам не нравится. Разумеется, эта стратегия зависит от инструмента, который она получит в своё распоряжение.

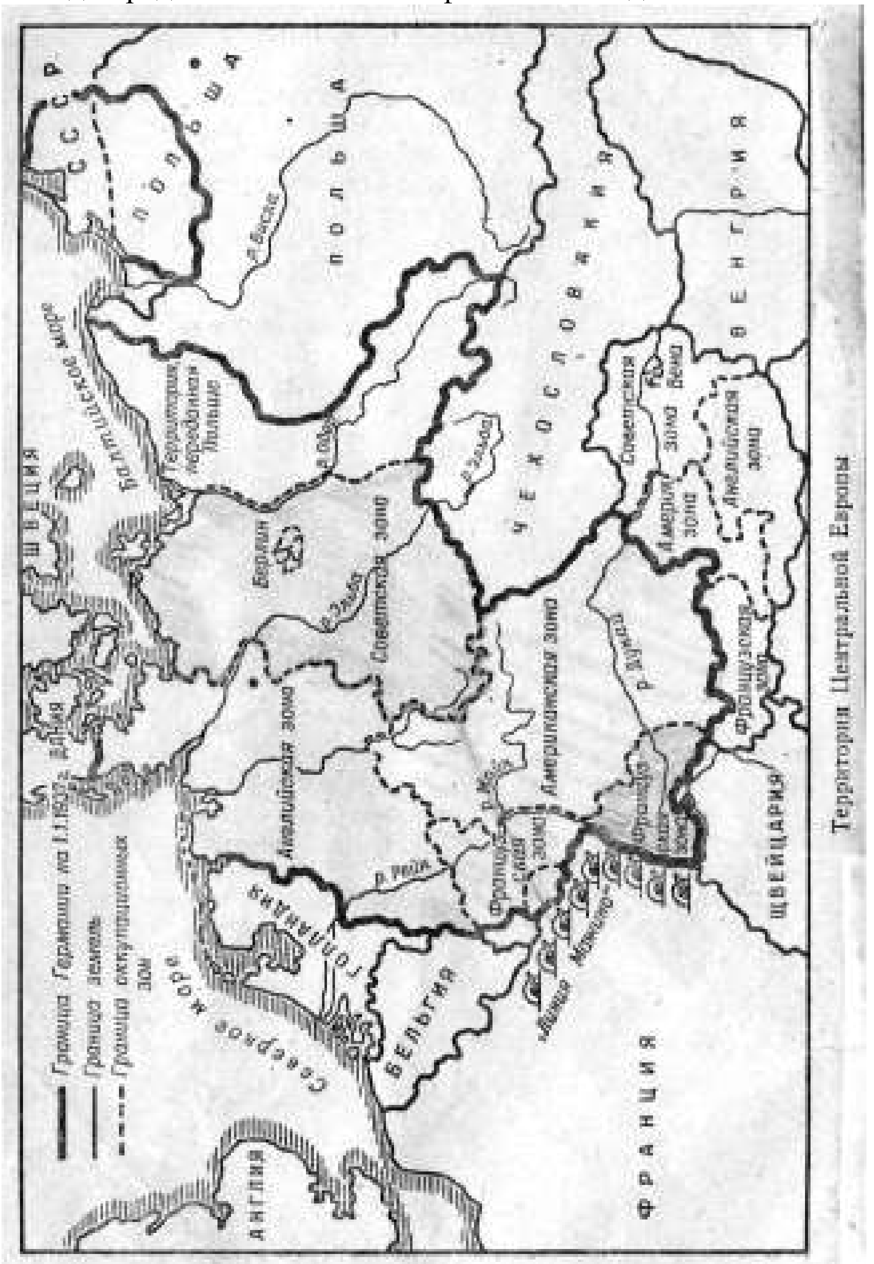
V. ЗНАЧЕНИЕ КОАЛИЦИЙ

1. Европейский союз

Учитывая наводящее на размышления соотношение сил, несколько западноевропейских государств объединились в Европейский союз. Западная Германия вошла в этот союз в качестве «присоединившегося члена» летом этого года.

Равноправие, необходимое для успеха этого дела, по формальным соображениям на Германию не распространилось. Она имеет право только выслушивать решения, от которых зависит её судьба. Упомянутые выше нейтральные государства не все входят в этот союз.

Военная мощь Европейского союза пока ещё ничтожна. Бельгия, вероятно, могла бы в большей степени содействовать усилению этой мощи, чем это было до сих пор. Силы Голландии напряжены до предела в связи с ее конфликтом в Индонезии.

Б. Г. Лиддл Гарт, из превосходной статьи которого «Можем ли мы оборонять Запад?» («Джон Буль», от 26 августа 1950 г.) взяты, главным образом, цифровые данные о силах западных держав,

пишет о «бумажных ширмах», которые выставил Запад против «железного занавеса». Он указывает, что нельзя рассчитывать на их прочность в случае вторжения с востока.

Континентальные государства Европейского союза одни не в состоянии оборонять Западную Европу, если не будет значительно увеличено участие морских держав в этой обороне. Правда, эти последние декларируют теперь свою готовность увеличить участие в обороне, но дело пока ещё ограничивается одними словами. Это также наводит на серьёзные размышления.

Англичане смотрят на мир через очки своего «содружества наций». Иначе и быть не может. Поэтому мистер Бевин изрёк: «Австралия расположена ближе к нам, чем Европа». Нравится ли нам, находящимся в центре европейского континента и в передовой траншее против Востока, эта мысль или нет, но с высказываниями таких величин нужно считаться. Англичане всегда будут думать о своем содружестве и притом — в первую очередь! Они будут делать для Западной Европы только то, что совместимо с общими интересами их империи. В настоящее время это — немного! Поэтому Англия отказывается и от присоединения к плану Шумана, и даже смотрит на него с некоторой подозрительностью.

Интересы США также распространяются на весь мир, особенно на район Тихого океана и нефтяные центры Ближнего Востока. Когда начался корейский конфликт, армия США насчитывала одиннадцать с половиной дивизий, из которых теперь семь с половиной действуют в Корее, а две, как уже было сказано, входят в состав оккупационных войск в американской зоне оккупации Германии. В Штатах создаётся несколько новых формирований, но они ещё не боеспособны. Отсюда можно понять, почему США хотят соблюдать осторожность в вопросе об отправке новых войск за океан. Поэтому обещание президента Трумэна послать войска в Западную Европу служит только моральным утешением для перепуганной Западной Европы. Однако для достижения действительного эффекта нужно, чтобы это обещание было выполнено.

В случае внезапного возникновения конфликта, Европейскому союзу следует рассчитывать на наличествующие силы и не полагаться на подкрепления, которые могут прибыть только через несколько недель, если не месяцев.

2. Атлантический пакт

Атлантический пакт охватывает ещё целый ряд стран, в том числе Соединённые Штаты Америки и Канаду. Тем самым Европейский союз получает значительное усиление, хотя в части наземных войск это дело далёкого будущего. Подкрепления в военно-воздушных силах могут прибыть быстро, однако, принимая во внимание мобильность и быстроту действий предполагаемого противника, всё же недостаточно скоро, чтобы помешать первым успехам противника в странах, где начнётся война. Неприятное воздействие первоначальных успехов в таких странах мы видели на примере Кореи так ясно, что дальнейшие разъяснения следует признать излишними.

Атлантический пакт, в конечном счёте, обеспечит, вероятно, западным державам превосходство на море и в воздухе в районе Атлантического океана. На этом основании западные державы надеются, в конечном счёте, на победу. Они мало думают о том, что произойдёт на западноевропейском континенте до того, как будет одержана окончательная победа. Зато мы знаем это хорошо. Центральная Европа столь слабо защищена от вторжения с востока, что по всем расчётам агрессор успеет дойти до берегов Атлантики, прежде чем из-за океана прибудет действенная помощь. Последствия вторжения для захваченных им областей и для их населения будут такими же, как в Корее. Последующее отвоевание этих областей у противника не смягчит, а только усугубит последствия вторжения, потому что война, несущая населению ужасы и страдания, ещё раз прокатится по несчастной стране, и этой страной будет наша Родина!

3. Объединённые нации

Объединённые нации и их важнейший коллективный орган — Совет безопасности в течение четырёх месяцев прилагают все усилия, чтобы покончить с корейским конфликтом. Они приказали северокорейцам немедленно отойти за 38-ю параллель. Северокорейцы и не подумали сделать это. Их пришлось отбросить, пустив в ход значительные силы, главным образом американские. Право вето, при котором достаточно одного голоса, чтобы сорвать принятие любого

решения, парализует принятие каждого решения. Советский Союз широко пользовался им, он применил вето 46 раз. Последние изменения в процедуре весьма незначительно улучшили принятый порядок.

Многие государства — члены **ООН** заявили о своей готовности принять участие в совместных военных действиях в Корее. Пока в Корею прибыло только несколько английских батальонов. Войска других государств прибывают «через час по чайной ложке», батальонами. Особенно убедительного впечатления эта помощь не производит.

Центральная Европа не может возлагать больших надежд на скорую помощь ООН.

VI. ВЛИЯНИЕ США

Корея рухнула бы под натиском северокорейских вооружённых сил, если бы не решение, быстро принятое президентом Соединённых Штатов и не менее быстро осуществлённое генералом Макартуром, которое спасло южно-Корейскую армию. США бросили в корейскую войну значительные силы. Более трети американских регулярных сухопутных войск переброшены туда до новых распоряжений.

Одновременно с решением защищать Южную Корею президент Соединённых Штатов заявил, что он не потерпит, чтобы Филиппины, остров Формоза или Индо-Китай были отняты у их теперешних хозяев. Этим заявлением Соединённые Штаты констатировали существование трёх новых очагов пожара, поскольку в дальневосточную политику азиатских властителей входит закладка фитилей под эти бочки с порохом. Для тушения возникающих в результате этого пожаров нужны американские войска, обещанные Соединёнными Штатами. Если пожар вспыхнет в ближайшее время, то в дело придётся пустить наличествующие регулярные войска США. Новые формирования не вынесли бы испытаний, связанных с внезапным выступлением против боеспособных соединений азиатских держав. Примером могут служить первые недели войны в Корее. Таким образом, в результате политической обстановки на Дальнем Востоке будет сковано слишком большое количество американских войск в отдалённых областях земного шара. Очаги пожара могут так разгореться, что свобода действий Соединённых Штатов будет стеснена до размеров, крайне нежелательных для Западной Европы.

Поэтому вполне естественно стремление Соединённых Штатов усилить западноевропейские государства в военном отношении до такой степени, чтобы можно было сократить до минимума оказание им помощи американскими войсками. До тех пор, пока эта цель не достигнута, западноевропейцы будут переживать кризис обороны. Этот кризис будет проявляться особенно резко потому, что боевой дух западноевропейских армий подорван различными психологическими факторами. После 1945 года, — года западноевропейского триумфа, — было произведено поспешное разоружение, так как западные державы предавались трогательным иллюзиям, полагая, что Советский Союз олицетворяет «только другую форму демократии». Охваченные этим безумием, они полностью разоружили Германию, разделили её на четыре зоны, разрушили германскую промышленность, германскую торговлю, германский торговый флот, короче — германскую экономику, уничтожили значительную часть высших слоёв населения Германии и вели себя так, как будто дружба с Советским Союзом будет длиться вечно. У германцев отняли треть их земли и таким образом отняли у германского народа и без того скудную базу для пропитания. Тем самым была создана зависимость Германии от заграницы и её экономическая уязвимость, которая должна обостряться в периоды кризисов. Однако очень скоро пышный цвет дружбы между Советами и западными державами покрылся инеем, который и убил её. Первой жертвой была наша дорогая имперская столица — Берлин. Будучи разделён на четыре сектора, он на собственной шкуре должен был испытать благодеяния демократии четырёх сортов. Правда, советскую блокаду Берлина в 1948 г. удалось прорвать с помощью воздушного моста, но это оказалось возможным лишь потому, что транспортные самолёты западных держав не были связаны в других районах. Но будет ли так всегда? Как бы то ни было, Берлин — очень стойкий город, и он продолжает жить, этот остров по ту сторону «железного занавеса», остров, на который направлены взоры всего мира. Внушающая уважение позиция Берлина значительно содействовала тому, что после страшной катастрофы авторитет Германии вновь поднялся, а западные государственные деятели убедились в стойкости жизненной силы всего германского народа. Мы от всего сердца благодарим за это берлинцев и надеемся, что германский народ в целом никогда не забудет этот смелый город.

Мужество берлинцев, как нам кажется, оказало значительное и благотворное влияние на Западную Германию. Мужество и сознательность западных германцев возросли, воскресла воля к самоутверждению. Теперь нужно только укрепить экономическую и социальную структуру Западногерманской федеральной республики, включая Берлин, и в такой степени заинтересовать население этого угрожаемого района земного шара в защите своего жизненного пространства и своего образа жизни, чтобы оно было готово сражаться за них. Теперь настало время так сильно разжечь стремление к свободе, чтобы все соблазны всех других, основанных на насилии систем не имели успеха, чтобы германская молодёжь снова увидела перед собой цель, ради которой стоит жить и работать.

На моральное состояние западногерманского населения оказывают влияние массы людей, изгнанных из родных мест и устремляющихся в районы, и без того весьма густо населённые. Как мы уже говорили, в 1945 - 1946 гг. восемнадцать миллионов человек были изгнаны из своих жилищ, лишились своего имущества, подвергались избиениям и были посажены в тюрьмы только потому, что они — германцы. Шесть миллионов этих несчастных, ни в чём не повинных людей погибли, а двенадцать миллионов добрались до Западногерманской федеральной республики и умножили там число безработных и бесправных. Местное население принимало их зачастую с неудовольствием и без всякой любезности. И сейчас мало кто понимает всю трагичность положения этих беднейших из бедняков. Тем большего уважения заслуживают эти изгнанники, которые, несмотря иногда на холодный приём, до сих пор не поддались радикальным настроениям и сохраняют спокойствие. Они показали пример дисциплины.

На моральное состояние западногерманского населения оказывают влияние также результаты денацификации и «перевоспитания», чем особенно ретиво занимаются американцы. То и другое закончилось очевидным провалом. В результате значительно возросло число лиц, лишённых прав. Эти мероприятия привели к тому, что ценные слои населения стали жертвами клеветы и были исключены из общественной жизни.

Наконец, на моральное состояние населения влияет безработица. Правда, в течение этого лета число безработных удалось несколько уменьшить, но ещё неясно, обусловлено ли это только конъюнктурой или чем-то другим.

Несмотря на все эти тяготы, результаты последних выборов показали, что марксисты потеряли часть своих избирателей, хотя это ещё не значит, что марксистская опасность устранена. Это лишь доказывает, что политика Советского Союза до сих пор не имела притягательной силы для западных германцев, так как массы германского народа знакомы с явлениями, сопровождающими эту политику, и отвергают их. Это доказывает далее, что западногерманские марксисты научились более тщательно маскироваться и скрывать свои тайные цели, но они по-прежнему существуют.

Марксистскую опасность нельзя устранить с помощью применявшихся до последнего времени методов западных держав. Эти методы состоят в том, что германцев по-прежнему лишают свободы во многих областях экономической и личной жизни. Иммунитет против бациллы марксизма развивается только на почве свободы и равноправия во всех отношениях. Однако Западногерманская федеральная республика ещё очень далека от такого состояния. Разумеется, мы можем отметить ряд мелких успехов, достигнутых в течение последнего года. Нью-йоркская конференция также означала для нас небольшой шаг вперёд. Но мы отлично сознаём, что эти успехи выглядят очень скромно на фоне громадной опасности, нависшей над Европой.

Влияние США в Западной Германии выразилось пока в том, что с помощью плана Маршалла население было спасено от голодной смерти. Такие действия заслуживают благодарность со стороны германского народа. Это был первый шаг к восстановлению в Германии жизненных условий, достойных человека, но пока только первый. Разумеется, он имеет решающее значение, так как без него невозможны дальнейшие шаги. Но теперь их следует предпринять решительно и быстро, не только в интересах западных германцев или всей Германии, но и в интересах Европы и самих США. Как бы мы ни были благодарны за помощь по плану Маршалла, но США не захотят, да и не смогут оказывать её в таких широких масштабах в течение длительного времени. Поэтому помощь по плану Маршалла будет предоставляться только до 1952 г. Западную Германию, а затем и всю Германию следует поставить на ноги в экономическом отношении и ни в коем случае не оставлять на положении вечного нахлебника США или какой-либо другой державы. Принимая во внимание незначительность территории Западной Германии, её экономическая самостоятельность может быть достигнута только в том случае, если темпы индустриализации позволят заметно увеличить выпуск товаров, если экспорт этих товаров даст возможность ввозить недостающее нам

продовольствие и сырьё для обеспечения работы промышленности, если в результате этой торговли жизненный уровень населения можно будет поднять до уровня жизни других европейских народов, если для этого товарообмена будут созданы равные возможности конкуренции, — короче говоря, если будет установлено безусловное и распространяющееся на все области экономической жизни равноправие с другими странами Западной Европы. Равноправие всех участников во всех отношениях остаётся альфой и омегой европейской политики. В противном случае Европа, как независимая сила, должна вообще исчезнуть.

Многие современные политические деятели видят в этой азбучной истине только стремление германцев покончить с последствиями тотального поражения 1945 г. Поэтому некоторые из них не хотят допустить, чтобы германцы быстро достигли своей политической цели, которую они правильно понимают, но которой побаиваются. Они колеблются, надеясь выжать ещё какие-нибудь трофеи из разграбленной Германии или замедлить возрождение всё ещё довольно живучего бывшего противника. Тщетные усилия! Перед западными государственными деятелями стоит один выбор: либо примириться с победой советской державы над западным миром, в первую очередь над Западной Европой, либо восстановить Германию как самый жизнеспособный фактор этой Западной Европы и предоставить ей равноправие в кругу западноевропейских наций и притом очень быстро, так как в противном случае будет поздно. Принимая во внимание недавние события, можно понять страх перед сильной Германией в рамках европейского объединения. Однако если учесть теперешнее положение и подумать о будущем, этот страх неразумен, потому что — либо будет создано европейское объединение с участием равноправной и возрождённой Германии, — либо Западная Европа пойдёт по пути Восточной Европы, а этот путь ведёт в Советский Союз, в Азию.

Темпы развития событий в значительной степени определятся влиянием, которое будут оказывать США на умонастроения не только населения Западной Германии, но и других западноевропейских стран. Дело в том, что сопротивление идеям объединения и равноправия Германии проявляется не в Западной Германии и даже не столько в США, сколько в государствах Западной Европы с их историческими традициями, устаревшими представлениями и различными трудностями.

Начнём с Франции, нашей западной соседки, нашего бывшего «традиционного врага». Французов мучит «германский кошмар», как некогда Бисмарку не давал спать «кошмар коалиций». Даже полностью разоружённая и прижатая к земле Германия не избавила их от этого кошмара. Их политика побуждает к тому, чтобы снова и снова вонзать шипы в тело Германии для обеспечения «безопасности», что в действительности только вызывает опасное раздражение и создаёт очаги затяжных болезней. Наиболее яркий пример — судьба Саарской области. Она является германской землёй и принадлежит Германии; её продукция вовсе не нужна французам настолько, чтобы они не могли без неё обойтись. Кроме того, они могли бы её закупать. Французы оказались в роли победителей. В этой роли им было бы нетрудно великодушным жестом протянуть побеждённому руку для примирения, подлинного и искреннего примирения. Французы могли быть уверены, что их руку не оттолкнут, и что в результате такого благородного поступка могла бы возникнуть настоящая дружба между соседями, которая пошла бы на пользу обоим народам, да и не только им, а всей Европе! Мы, германцы, свободны от всякого чувства мести по отношению к Франции и мы не видим никаких оснований для подобного чувства к нам со стороны французов. Мы хотим от них только равноправия во всех отношениях и больше ничего. Мы готовы предоставить любые гарантии, которых требуют соображения французской безопасности, однако только на базе взаимности и равноправия. Что же удерживает французов? Ведь не страх же? Страх — самый плохой политический советчик, какого только можно себе представить. Мы надеемся, что есть ещё достаточно много мужественных французов, в том числе и среди политических деятелей, чтобы преодолеть страх перед разоружённой и повергнутой ниц Германией; мы всё же надеемся, что восстановление Германии будет произведено с помощью Франции, что оба соседа смогут из зерна благородных действий Франции взрастить подлинную и прочную дружбу.

Другие западные соседи Германии, страны Бенилюкса, получат от такой дружбы только выгоды, и можно предположить, что они будут её искренне приветствовать. Тогда им нужен будет не их сомнительный нейтралитет, а именно участие в союзе. Тогда и соглашения с Италией и с северными государствами не представят никаких трудностей.

Совершенно иначе обстоит дело с Англией. Английские интересы обусловлены, в первую очередь, интересами их «Содружества наций». Хотя прочность этой организации теперь

уже и не столь непоколебима, как прежде, однако мы, европейцы, с нашим континентальным мышлением должны понять, что Англия хочет сохранить содружество. Поэтому для Англии континентальная Европа является областью второстепенного значения. Она с беспокойством смотрит на возможность германо-французского сближения и особенно — примирения. Она, правда, хочет мира, но выступает против союзов, которые в какой-то степени ослабляли бы английские позиции. Подлинный германо-французский союз, по мнению англичан, мог бы привести к значительному усилению континентальной Западной Европы и к возникновению опасного для Англии экономического конкурента. Поэтому, несмотря на угрозу с востока, Англия, во всяком случае, до сего времени не содействовала облегчению германо-французского сближения. Какой бы тесной ни была дружба между Англией и США, взгляды английских политических деятелей на отношения между Германией и Францией расходятся с мнениями их американских коллег. Таким образом, если США намерены использовать своё влияние на Западную Европу в целях достижения стабильности европейских отношений, то с точки зрения германцев было бы желательно, чтобы они убедили англичан поддержать сближение Германии и Франции, а не мешать ему. Пусть англичане поразмыслят о своём положении в Европе, к которой они принадлежат, во всяком случае, по географическим признакам, если английское содружество наций будет ещё менее прочным, чем в последнее время. От этой возможности, как показывает стремительный ход истории в последние пятьдесят лет, они никак не гарантированы; они должны смело смотреть правде в глаза и, сообразуясь с этим, строить свою политику. Это не означает, что для изменения политики по отношению к Западной Европе следует дожидаться того времени, когда упомянутое ослабление связей между странами английского содружества наций станет свершившимся фактом. Этого ни в коем случае нельзя допускать. Если Западная Европа к тому времени перестанет существовать, если она достанется Советскому Союзу, то одна Англия не сможет отвоевать её обратно, а США вряд ли ещё захотят жертвовать своими сыновьями для борьбы за территорию, покрытую развалинами и грудами трупов. Английские острова останутся тогда один на один с евразийским блоком, и их жизнеспособность будет весьма сомнительной. Они будут не более как передовым форпостом США перед нашим атлантическим побережьем, подобно Формозе — перед азиатским побережьем Тихого океана.

Таким образом Англия, в своих собственных кровных интересах, должна требовать консолидации сил Западной Европы или, по крайней мере, отказаться от создания помех этой консолидации. Английская политика в Западной Европе была до сих пор негативна. Она должна стать позитивной, и лучше сегодня, чем завтра. И для этой перемены, имеющей принципиальное значение, по-видимому, нужна решительная поддержка со стороны США, которые проявляют, во всяком случае, в настоящее время, кажется, больше понимания в отношении западноевропейских проблем, чем большинство стран Западной Европы.

Разумеется, что для всех этих важных политических шагов понадобится известное время. Мы не сможем предвидеть, подарят ли нам судьба и Кремль это время. Если конфликт западных держав с Советским Союзом разразится преждевременно, возникнет очень серьёзное положение, и не только для Западной Европы, но и для США. Мы не можем сказать, смогут ли США в течение короткого срока разбить Советский Союз и принудить его к миру. Однако мы можем с большей степенью вероятности признать, что Западная Европа, и особенно Германия, станут полем битвы. Невозможно представить себе, какие ужасы принесут германскому народу и германской земле борьба между двумя мировыми державами. Но посмотрим, чего должны ждать сами США, если их государственная мудрость не сможет предотвратить этой войны.

В течение всей своей истории США приняли участие только в двух крупных заокеанских войнах. Все прежние войны до известной степени могут быть отнесены к числу колониальных и гражданских. США вступали в обе мировые войны, когда их противник был уже значительно ослаблен, и для достижения полной победы нужно было только их вступление в войну. В результате этих двух побед они прониклись великим самомнением. Теперь США впервые в истории оказались перед суровой необходимостью выступить первыми против врага, и ещё против какого могущественного врага! Ибо невероятно, чтобы конфликт, о котором идёт речь, ограничился территорией одного Советского Союза. По простому человеческому разумению, США должны будут выступить против сплочённых сил Азии. Предполагается, что в этой гигантской схватке они вначале будут в одиночестве. От их начальных успехов или поражений будет зависеть, найдут ли они союзников и когда именно, и каковы будут моральные и материальные силы этих союзников. Ореол непобедимости, который окружает США после двух мировых войн, исчезнет, как только

народы обнаружат, что и американцы — простые смертные. Мы понимаем заинтересованность США в победоносном завершении корейского конфликта. Мы боимся, что стремление «сохранить лицо» в Азии побудит США принять на себя и другие обязательства на Дальнем Востоке, что может ослабить их дееспособность в Западной Европе.

Поэтому мы считаем, что не исключено такое положение, при котором Западная Европа будет потеряна для западных держав ещё до того, как США смогут высвободить достаточно сил для её защиты. Мы считаем возможным, что, в связи с необходимостью вести войну одновременно в нескольких местах, экономические силы США будут настолько перенапряжены, что пострадает теперешнее «просперити» населения, понизится его готовность к новым войнам и в результате в США возникнет опасность внутренних беспорядков.

При рассмотрении положения, которое создастся в этом случае на евразийском континенте, можно высказать опасение, исходя из опыта 1941 - 1945 гг., что даже гигантской мощи США, даже их колоссального потенциала будет недостаточно, чтобы поставить на колени Советское государство и его союзников. Эффект от атомных бомб, а вероятно также и от водородных бомб, если решатся их применить, особенно велик, когда их используют против густонаселённых местностей, против крупных целей. Будет ли новое оружие достаточно эффективным на широких пространствах Евразии — это более чем сомнительно. Однако в густонаселённых районах атлантического побережья оно, безусловно, нанесёт большой ущерб. Тогда от применения этого страшного оружия пострадают главным образом французы, голландцы, бельгийцы и германцы. Возможно, что будут задеты поляки, чехи, венгры и румыны. Россияне и китайцы, во всяком случае, пострадают меньше всего; это относится и к населению этих стран, и к их транспорту, и к промышленным предприятиям, которые, кстати, уже сейчас, по-видимому, широко рассредоточены и размещены под землёй. Но меньше всего пострадают вооружённые силы Советского Союза и его партнёров, и как раз они-то и овладеют затем континентом. Едва ли США будут в состоянии сформировать и перебросить через океан армию, которая превзошла бы силы Советов. При громадных расстояниях, которые придётся преодолеть, преимущества внутренних коммуникаций будут на стороне Советского Союза и он их хорошо использует.

Недостаток нефти и каучука может поставить Советы в критическое положение, однако сомнительно, чтобы это могло сыграть решающую роль. Все зависит от того, на каких исходных позициях начнётся война в нефтяных районах, в Индонезии и Малайе, и какие заменители будут производиться к тому времени в Советском Союзе[6].

Если ход событий приведёт к возникновению внутренних затруднений в США, в результате которых пострадает их ударнаясила, то исход войны будет сомнителен, продолжительность и последствия её нельзя предвидеть, а риск, связанный с её развязыванием, будет невероятно велик.

У нас, западноевропейцев, сложилось впечатление, что многие американцы в настоящее время недооценивают мощь Советского Союза, его технические и военные возможности, промышленный потенциал, организаторские таланты руководителей, точно так же, как и способности его верховного командования, и силу его политических идей. Главное — это последнее, сила идеи, которая обеспечивает советской системе симпатии широких неимущих масс, обеспечивает даже в тяжёлые времена, когда успех становится сомнительным. Мы познакомились с этим сами во время второй мировой войны. До сих пор наши предостережения — не допускать недооценки будущего противника — неоднократно подвергались осмеянию. Так же поступал в своё время и Хитлер, получая доклады своего посла и своего военного атташе из Москвы. Правда, каждый должен всё испытать на собственной шкуре. Чужой опыт помогает мало. Таким образом, возможно, что победители в двух мировых войнах, не искушённые в вопросах мировой политики и стратегии, не отягощённые традициями и опытом старой Европы, первыми вступят в третью мировую войну, чтобы приобрести свой собственный опыт. Нас, европейцев, результаты тогда уже не будут интересовать, так как в этом случае мы прекратим своё существование.

---

[6] В первой половине 1950 г. Советский Союз импортировал из Британской Малайи 6 370 000 фунтов каучука. Доставка велась главным образом через порты Красного Китая и Владивосток.
В 1949 г. Советский Союз пытался скупить на свои стерлинговые резервы всю каучуковую продукцию Цейлона. Импорт из Британской Малайи был оплачен золотом.

VII. ЗА ПРАВО И СВОБОДУ

Западная Европа хочет жить и, по нашему мнению, имеет на это право, если принять во внимание её заслуги перед человечеством, несмотря на ошибки и слабости (пороки), которыми страдает сейчас Старый свет.

В результате двух тяжёлых, кровопролитных и разрушительных войн основы существования Западной Европы настолько ослаблены, что только длительный мир может обеспечить ей восстановление и дать новые жизненные силы. Следовательно, всё сводится к тому, чтобы добыть этот мир. Стремление к длительному и прочному миру для всех стран Западной Европы — основной закон их политики. Всего, что противоречит этому закону, нужно избегать. Всё, что содействует его осуществлению, заслуживает поощрения. Поэтому нужно отказаться от всякой мысли о превентивной войне, что и сделали недавно американский государственный секретарь Ачесон и генерал Брэдли.

Мир, которого жаждут и к которому стремятся западноевропейские народы, нуждается в гарантиях. От чего должны гарантировать себя западноевропейцы? Какие силы угрожают миру?

Нам говорят, что это — марксизм, азиатский марксизм. Что нужно сделать, чтобы оградить себя от этой силы? Если речь идёт, главным образом и прежде всего, о военной угрозе со стороны гигантской советско-азиатской армии, то здесь могут помочь только военные мероприятия. Такое решение было бы самым простым, хотя и оно в настоящее время, из-за зигзагов политики, делается довольно сложным. Если речь идёт об экономической угрозе, то следует привести в порядок западную экономическую систему и сделать её лучше, чем система Советского Союза. Это уже труднее.

Если же речь идёт об идеологической угрозе, то Запад должен вооружиться против неё новой, лучшей идеей. Здесь, как нам кажется, заключена самая большая из всех трудностей, так как идеи не выскакивают готовыми из головы какого-нибудь мыслителя, как Афина Паллада из головы Зевса. Идеи рождаются в результате напряжённой умственной работы и в большинстве случаев вызывают длительную и ожесточённую борьбу, прежде чем их признает человечество. Эта борьба ведётся отнюдь не одним только духовным оружием. Очень часто создатели или носители идеи пытаются навязать ближнему свои представления силой. Войны, которые ведутся во имя идей, бывают обычно особенно ожесточёнными, что доказывают все религиозные войны. Теперь мы должны задать себе вопрос: действительно ли идея «коммунизма» марксистского толка, которую ныне сознательно или бессознательно поддерживают семьсот пятьдесят миллионов человек, является идеей, потрясающей мир, как её описывали? Если на этот вопрос мы должны будем ответить утвердительно, а сила сопротивления Советского Союза во время второй мировой войны даёт нам на это право, то нужно сказать: идеи можно победить только лучшими идеями, но не экономическим или военным нажимом. Следовательно, Западная Европа должна породить идею лучше той, которая есть в настоящее время у Советского Союза и его союзников.

Как обстоит дело с этим вопросом?

Ведущей идеей советской системы является идея о равенстве и равноправии всех слоёв народа, о «коммунизме» марксистского толка. В угоду этому принципу был уничтожен господствующий класс России и не только России, но и стран-сателлитов, подпавших под советское влияние после 1945 года. Началось широкое нивелирование. Правда, оно вновь нарушается, но в принципе всё же осуществлено значительное уравнивание имущественных отношений и политических прав.

Победа в войне укрепила советскую систему и увеличила популярность её руководителей. На переворот рассчитывать нельзя. Пропаганда знакомит молодёжь только с преимуществами этой системы; её отрицательные стороны скрываются и, во всяком случае, остаются невидимыми для молодых людей.

Не приходится удивляться, что большая притягательная сила советского государственного строя неоднократно подтверждалась; в частности, — во время слёта Союза свободной германской молодёжи в Троицын день в 1950 г. в Берлине. Не нужно обманывать себя! Дисциплинированные массы молодёжи, которые, несмотря на проливной дождь, маршировали перед своими политическими вождями стройными колоннами под вдохновляющую музыку оркестров, произвели глубокое впечатление на всех очевидцев. Эта молодёжь, которая слепо следует за марксистской системой, уже в течение пяти лет не слышит и не видит ничего

другого, кроме пропаганды, восхваляющей советскую систему и чернящей Запад. Даже те молодые люди, которые вначале, благодаря влиянию семьи или воспитателей, были настроены иначе, постепенно откажутся от своих прежних взглядов, если только в окружающую их среду не будет внесено никаких информационных изменений.

Следовательно, если западные державы не предложат ничего лучшего, они не справятся с марксистской агитацией. Они должны нащупать слабые места в марксистской пропаганде и энергично ударить по ним.

В чём же заключается слабость марксистской идеи? — Нам хотелось бы верить, что система принуждения, подобная советской, будет принята в Западной Европе весьма неохотно. Мы верим, что стремление к свободе у граждан Западной Европы настолько сильно, неистребимо и непреодолимо, что они никогда не согнутся под ярмом тотальной уравниловки или, во всяком случае, не наденут его надолго. Мы знаем, что наших братьев в советской зоне Германии только в результате жестокого принуждения (и, как мы надеемся, только временно) удалось подчинить этой системе. Там ничтожное меньшинство господствует над большинством, вынужденным молчать. Западноевропейские, а также американские идеалы заключаются в свободе человека, в свободе отдельной личности. Спасти Западную Европу от марксизма можно только в том случае, если её жители будут пользоваться свободой, которая отнята у советских людей. Свободное развитие личности, свободное духовное, экономическое и промышленное развитие, свобода исследований, свобода действий, свободное соревнование сил — вот противовес принудительной системе марксистского образца.

Поэтому мы требуем свободы для Западной Европы, свободы для всей Германии. Свободные выборы, свободное самоопределение наших государственных и экономических форм. Мы требуем этого для Западной Европы, подразумевая также и нас, германцев — именно германцев, потому что они в целом лишены свободы больше, чем какой-либо другой народ мира. До тех пор, пока будет продолжаться это страшное состояние, наш народ и наша страна не будут обладать подлинной силой сопротивления марксистским идеям. Только воля к свободе может создать необходимую превосходящую духовную силу, без которой мы надолго подпадем под власть Востока. До тех пор, пока сердце Европы, лишённое свободы, бьётся в конвульсиях, все теории не будут иметь никакого значения.

Этой свободы у нас нет ни во внутренних, ни во внешних делах. Завоевать свободу внутри страны должны и можем только мы, германцы из Западной Германии. Но желаем ли мы этого? — В течение последних лет это желание ещё не было доказано. Его не доказали пока ни наши правительства, ни наши парламенты, ни наши партии. На предвыборных собраниях происходили террористические акты; их совершали депутаты, принадлежащие к правящим партиям. Представителей меньшинства избивали и выбрасывали из зала собраний или из парламента; происходили сцены, недостойные культурного народа. Отношение к лицам, изгнанным из родных мест, которым в течение долгих лет не разрешали создавать собственные партии и которых лишали самых элементарных прав; обращение с профессиональными солдатами, которых, следуя примеру оккупационных властей, подвергали оскорблениям и лишали законных прав; методы применения закона о денацификации в первые годы после катастрофы — всё это действия, направленные против демократии и не имеющие ничего общего со свободой. До сих пор у нас господствовали только партии, функционирующие по лицензии, партии дохитлеровского типа со всеми недостатками, обычно присущими подобным эксгумированным институтам. О свободе же германцев в советской зоне не приходится и говорить.

Следовательно, если мы хотим противопоставить марксистской идее лучшую идею, и если эта лучшая идея — свобода, как мы её понимаем, то, безусловно, нужно основательно перестроить теперешнюю германскую демократию и, прежде всего, предоставить, наконец, одинаковые права всем, в том числе и рабочим промышленных предприятий. Мы придаём больше значения равноправию людей, признанию свободы человеческой личности, чем экономической борьбе. Люди, которые чувствуют, что пользуются равными правами и уважением, не испытывают чувства неполноценности и потому не испытывают ненависти или чрезмерного честолюбия. Они приобретают уверенность в своих силах и самосознании, становятся гордыми и свободными. А мы этого и хотим, этого и намерены добиться.

Наконец, подлинная свобода может существовать только там, где право стоит выше произвола. Равные права для всех — это требование, которое мы должны предъявить германским правительствам всех земель и правительству федерации. Осуществить это требование можем

также только мы одни. Если бы наши правительства написали это требование на своих знамёнах и захотели его выполнить, никакая сила в мире не помешала бы им сделать это.

Кроме предоставления равных прав для всех, нужно укрепить волю к единству. Единство в Западногерманской федеральной республике, сплочённость на этом маленьком остатке Германии — вот к чему должны стремиться все слои населения этого зависимого государства, созданного по приказу бывших врагов. Кроме того, мы требуем единства с нашими братьями в советской зоне оккупации Германии, в целях воссоединения единого государства. Мы требуем единства с районами нашей страны, расположенными к востоку от линии Одер - Найссе, незаконно переданными в руки польской администрации, и заселения их германцами. Не может быть мирного договора, который не обеспечивал бы это воссоединение. Возвращение восточных областей уменьшит перенаселённость Западной Германии, которая, в ином случае, постоянно будет вызывать новые и новые тяжёлые экономические и политические кризисы, так как в таких условиях невозможно поддерживать в течение длительного времени нормальную экономическую жизнь. Такое же требование должно быть выдвинуто и в отношении других территорий, ранее населённых германцами, особенно в отношении Судетов.

Державы, которые в своё время одобрили злополучное решение об изгнании германцев из восточных областей, теперь, вероятно, уже поняли свою ошибку. Пусть они наберутся мужества исправить её и помогут нам добиться исполнения нашего требования. Пусть они сделают этот шаг, прежде чем Советский Союз их опередит и использует тоску изгнанников по старой родине для того, чтобы заманить этих несчастных людей в свои сети, разрешить им возвращение в родные места и сделать их советскими гражданами.

Мы будем вести борьбу за единство, права и свободу до тех пор, пока не победим. При этом мы отнюдь не ведём агрессивной политики. Мы боремся за наши человеческие права, которых нас лишают, прикрываясь лживыми увёртками.

Мы не позволим, чтобы таинственные комментаторы, злоупотребляя нашим языком, вещали по радио, что нужно сделать непроницаемым «железный занавес» между федеральной республикой и советской зоной. Мы хотим, чтобы занавес исчез. Мы не склонны увековечивать неправильную политику Ялты и Потсдама. Мы хотим покончить с ней и видеть наш народ и страну вновь едиными.

Мы хотим добиться этой цели мирными средствами, опираясь на наше несомненное право, и просим «свободные народы» помочь нам в этом. Тот, кто постоянно твердит о свободе, должен сгореть от стыда при виде того, что делают в Германии, прикрываясь маской «свободы». В Германии нет свободы, там господствует режим, сочетающий рабство древности, нетерпимость средневековья и террор современной формы диктатуры. До каких же пор это будет продолжаться?

Как мы уже говорили, существующие германские правительства могут добиться отмены одних и смягчения других законов, лишающих германский народ свободы. Чего же они ждут? Что удерживает депутатов многочисленных (даже слишком многочисленных!) парламентов? Они могут разжечь движение за свободу, против которого будут бессильны все меры принуждения как внутреннего, так и внешнего порядка. Почему они этого не делают? — Потому что они реакционнее даже тех правительств, которые сто лет тому назад упрямо сопротивлялись решениям, принятым в церкви Св. Павла, и созданию демократической Германии под властью императорской короны.

Но это еще не всё. Не всё можно осуществить теперь собственными силами, если говорить о том, что необходимо и что возможно, чтобы Западная Европа продолжала существовать и стала обороноспособной.

VIII. СЛОВА И ДЕЛА

Пусть свободные народы мира, желающие свободы и осуждающие диктатуру, откроют глаза и обратят свои взоры к Центральной Европе!

То, чего не в силах добиться сами германские правительства в деле достижения принципов единства, права и свободы, может быть обеспечено в результате разумной политики великих западных держав. Мы слышим о многочисленных конференциях, но после многих неудач никто уже не верит в реальность красивых слов. На каждой конференции кто-нибудь из участников обязательно выступает против, и результаты остаются отрицательными.

Внешняя свобода, которой мы хотим, должна быть нам предоставлена извне. Исполнить это наше заветное желание могут, прежде всего, оккупирующие державы. К ним обращён наш призыв: дайте нам наши права и нашу свободу! Вы хотите защищать Западную Европу. Не думаете ли вы, что те, кто лишён свободы, будут храбро сражаться за ваши интересы против превосходящих сил противника? Не думаете ли вы, что германцы будут охвачены энтузиазмом при мысли, что им придётся защищать линию Райна или ещё какую-нибудь линию, не защищающую их страну? Не думаете ли вы, что старые германские солдаты при таких условиях добровольно откликнутся на ваш призыв? Они этого не сделают. Не сделает этого и наша молодёжь.

Для того, чтобы защищать Западную Европу с шансами на успех, нужно добровольное и решительное участие всей Германии. Создать эту добровольную решимость — такова, по нашему мнению, задача политики западных держав. Если западные державы хотят избежать третьей мировой войны, если они хотят мирного хода событий в условиях свободы, они должны вернуть германцам их права и их свободу. Это, по нашему твёрдому убеждению, — скорейший путь, который приведёт к миру в Европе. Правда, мир в Европе ещё не означает мира во всём мире, но он ликвидировал бы опаснейший очаг пожара, возникший в настоящее время, очаг, вспышка которого неизбежно приведёт к немедленному развязыванию «горячей» войны со всеми её ужасами. Исход такой войны предсказать весьма трудно.

Только Соединённые Штаты Америки могут надеяться на то, что они устоят и победят в угрожающем конфликте с великим восточным блоком. Западная Европа при этом в значительной части будет разрушена и поэтому она совершенно не заинтересована в развязывании войны. Западная Европа никак не заинтересована в том, чтобы её захватил Советский Союз, а потом, в результате второго тура войны, она была бы вновь освобождена, как это произошло недавно с Кореей. Западная Европа потеряет больше, чем потеряла эта несчастная дальневосточная страна. Если народы Западной Европы попадут на несколько лет под власть Советского Союза, то после их освобождения силами морских держав уцелеет немногое из того, что, с западной точки зрения, стоило освобождать. Громадный экономический потенциал Западной Европы в этом случае будет принадлежать Советскому Союзу.

Если всё вышесказанное верно, то нужно не допустить агрессора с востока до попытки захватить Западную Европу. Генерал Омар Н. Брэдли писал в «Ридерс дайджест» (октябрь 1950 г., германское издание): «Сегодня я надеюсь, что ни одному американцу не придётся больше командовать американцами в наступлении, предпринимаемом с целью освобождения Европы. Границы Америки, как и европейских стран, находятся теперь в сердце Европы. В любой третьей мировой войне я предпочёл бы скорее оборонять Европу на территории, подготовленной для борьбы, чем потерять континент, а затем возвращаться по воздуху или по морю для того, чтобы вернуть его снова. Внешняя и военная политика США в 1950 г. настоятельно требует оборонять Западную Европу с самого начала, а не освобождать наших друзей после того, как враг нападёт на них и оккупирует их Родину».

Обзор современного соотношения сил показывает, что западноевропейских сил недостаточно для обороны. Следовательно, нужно сделать вывод, что они должны быть немедленно увеличены. Именно этот вывод был сделан на последней конференции в Нью-Йорке. Соединённые Штаты и Великобритания объявили, что они намерены немедленно усилить свои оккупационные войска в Западной Германии. Это, несомненно, первый и самый неотложный шаг к решению поставленного нами вопроса. Западная Европа с величайшим нетерпением ждёт, что этот шаг будет сделан. Поэтому мы приветствуем прибытие в Гёттинген первых контингентов из Северной Ирландии. Печально, что на Западную Германию, в связи с этим, вероятно, лягут новые тяготы. Но они ничтожны по сравнению с теми ужасами, которые ей придётся перенести, если её оборона не будет усилена, если Западная Германия станет советской. Разумеется, германцы могут требовать, чтобы суммы, выделяемые на покрытие оккупационных расходов, были использованы на чисто военные цели, а не на создание максимальных удобств для оккупационных войск, и особенно для сопровождающих их гражданских лиц, как это часто делалось до сих пор. Эта проблема требует основательного изучения. Нам кажется, что нужно сократить штат гражданской администрации оккупационных властей, так как у нас есть германская администрация, и мы не хотим содержать за свой счёт и ту, и другую. Мы считаем, что при более рациональном использовании оккупационных расходов можно добиться значительно больших результатов, чем до сих пор. Этого требует напряжённость обстановки.

Таким образом, усиление западных оккупационных войск должно быть первым

мероприятием для укрепления положения в Западной Европе. Однако нельзя останавливаться на одних чисто военных мероприятиях. Если мы хотим выиграть идеологическую войну, нужно создать для этого идеологические и материальные предпосылки. Эти предпосылки, несмотря на все сомнения, нужно создать так же быстро, как и военные, иначе евразийский блок опередит западные державы. Западную Европу, а в её составе и Западную Германию вместе с Берлином нужно превратить в оплот свободы и благосостояния, чтобы они могли использоваться как мощный магнит, который уничтожит действие вражеской пропаганды и вернёт в свой круг страны, отколовшиеся от Запада. Только тогда мы вновь создадим европейский континент, заслуживающий названия «западного». Только тогда мы покончим с безнадёжным положением прибрежной полосы азиатского континента, находящейся под постоянной угрозой.

Нам возразят, что уже сделано очень многое, чтобы смягчить нашу материальную нужду; что своим несчастьем мы обязаны Хитлеру и должны радоваться, что ещё дёшево отделались; что сначала нужно позаботиться о других народах, пострадавших от хитлеровской тирании и т. д. Всё это может казаться справедливым, и всё-таки перед лицом опасности, угрожающей всей Европе, это неправильно.

До тех пор, пока народы Запада не проникнутся сознанием, что мы все находимся в лодке, плывущей по бурному морю, что всё зависит от того, успеет ли эта лодка со всеми в ней находящимися укрыться в надёжной гавани, что для этого нужно единое командование, что все находящиеся в лодке должны подчиниться этому командованию, что нужно выбрать хорошего рулевого, чтобы осуществить эту тяжёлую задачу, пока всё это не будет осознано, усилия, направленные на спасение Западной Европы, по-видимому, не принесут успеха.

Нам, возможно, возразят, что придётся выбросить за борт страны, которые прежде были врагами западной демократии. Но разве уже не были брошены на произвол судьбы очень многие члены семьи европейских народов? Не следует ли напрячь все силы, чтобы спасти остальных? Не следует ли скорее попытаться вернуть потерянных членов семьи?

Не следует ли подчинить вопрос о государственных формах основной проблеме спасения Запада?

Не пора ли, наконец, подвести толстую и энергичную черту под злосчастным прошлым и создать новую Европу, состоящую из равноправных членов большой семьи, которая, правда, по сравнению с другими семьями (не будем себя снова обманывать!) всё-таки является не очень многочисленной.

Не создаёт ли разгром и разоружение Германии более серьезную угрозу безопасности Западной Европы и США, чем её восстановление ?

IX. АФРИКА

Следует поставить ещё один вопрос: если западные государственные деятели придут к убеждению, что остатки Европы нынешними силами не удержать, не будет ли тогда уместно прочнее связать с Европой африканский континент, который до сих пор мало использовали, и быстрее превратить его в базу обороны? Временами до нас доходят сведения относительно планов американского президента в области развития неосвоенных районов, однако события на Дальнем Востоке, по-видимому, заставили отложить осуществление этих планов, открывавших широкие перспективы. Не следует ли вновь рассмотреть вопрос о том, что важнее: сохранение владений европейских государств на Дальнем Востоке или укрепление европейских и африканских позиций? Разве война в Корее и Индо-Китае уже не сигнализировала об опасности поглощения западных военных сил? Не происходит ли одновременно растрачивание экономических сил в нежелательных масштабах и не там, где нужно?

Мы не отрицаем опасности «потерять престиж в Азии», но разве белая раса не потеряла в Азии свой престиж уже настолько, что было бы лучше добровольно оставить позиции, которые невозможно удержать, чем позволить изгнать себя оттуда? Не готовимся ли мы совершить ту же самую ошибку, которую всегда ставили в вину Хитлеру, — упрямое стремление удержать территорию даже и в безнадёжном положении?

С точки зрения германцев, не связанных в своих суждениях служебным долгом, необходима концентрация сил на решающем участке. Какой же участок является для западных держав решающим? Есть ли у великих держав ясность в этом вопросе?

Нам, конечно, кажется, что решающее значение имеет Западная Европа. Но согласны ли с нами Соединённые Штаты и английское содружество наций?

Если принимать всерьёз заверения, с которыми выступали на последних международных конференциях государственные деятели, заверения в том, что Западную Европу будут оборонять и удерживать, то на последний вопрос можно ответить утвердительно[7]. Соответствуют ли этому мероприятия великих западных держав? Не растрачивается ли до сих пор слишком много сил на побочных театрах войны?

На это возразят, что германцы требуют от других народов Западной Европы жертвы, о размерах которой они не имеют никакого представления. Традиции, существующие в течение десятилетий и материальные выгоды восстают против такого отказа от богатых колоний. Это, конечно, нелегко. Но не важнее ли сохранить собственную жизнь в Западной Европе? Что же касается престижа белого человека в Африке и Восточной Азии, то он уже настолько подорван, в частности, обращением с германцами после второй мировой, что не приходится удивляться, если цветные народы начали с тех пор терять уважение к белой расе. Так, любая вина на Земле влечёт за собой возмездие! Когда в 1918 г. у нас отбирали наши колонии, люди думали только о собственном обогащении, а не о престиже белой расы. Теперь кое-кто должен сам принести жертвы, независимо от того, хочет он этого или не хочет.

X. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное нами показывает, что с наличествующими силами, по общему суждению западных военных экспертов и мнению германцев, защитить Западную Европу в настоящее время невозможно. Тем самым даётся ответ на вопрос, поставленный в названии книги, но этот ответ не полон и не вполне удовлетворителен.

Можно ли вообще защитить Западную Европу?

Отвечая на этот вопрос, мы сознательно исключаем из расчётов германский вклад, так как при существующих обстоятельствах считаем его невозможным.

Французский верховный комиссар Франсуа Понсэ недавно сказал: «Германский контингент, даже если он будет включён в «европейскую армию», в десять раз более сильную, чем он сам, — это пилюля, которую трудно проглотить тем, для кого разгром германского милитаризма был высшей целью, за которую миллионы отдали свою жизнь». Для нас весьма лестно, что даже десятикратного превосходства недостаточно, чтобы преодолеть французские страхи. К тому же господин Франсуа Понсэ считает, что германцы могут сделать внезапный поворот кругом, и потому предлагает лишить Западногерманскую федеральную республику равноправия. До тех пор, пока он занимает такую позицию, бесцельно обсуждать с ним вопросы германо-французского сближения[8].

Премьер-министр Франции Плевен направил представителям Северо-Атлантического союза ноту, содержавшую следующие пять пунктов:

1. Создание совместной европейской оборонительной армии.
2. Назначение европейского министра обороны, ответственного перед европейской Ассамблеей.
3. Общий бюджет для финансирования этой армии.
4. Предоставление всем участвующим странам, кроме Германии, права иметь, наряду с их контингентами для запланированной «европейской армии», собственные вооружённые силы.
5. Намеченная «европейская армия» должна быть составной частью общих

---

[7] Генерал Омар Н. Брэдли писал в «Ридерс дайджест» (германское издание, октябрь 1950 г.): «Мы принципиально против того, чтобы войны местного значения чересчур отвлекали Америку от выполнения её главной задачи. Мы не можем допустить, чтобы эти войны поглощали значительную часть резервов Америки в людях и материалах, чтобы тем самым была парализована военная мощь нации и поставлена на карту победа в мировой войне. Немыслимо, чтобы какой-нибудь враг победил Америку, если только он не овладеет прежде Западной Европой, всё ещё составляющей ключевую позицию мира. Поэтому мы рассматриваем как важнейшую цель американской военной политики, прежде всего оборону Соединённых Штатов, а потом оборону Западной Европы, которая служит этой цели».

[8] См. речь, напечатанную в газете «Эпок» от 10 октября 1950 г.

оборонительных вооруженных сил Северо-Атлантического союза.

Вопрос о создании германского контингента он поставил в зависимость от принятия плана Шумана.

Мы сомневаемся в том, что исключение, сделанное в одном из этих пунктов для Германии, соответствует принципу равноправия. Мы предполагаем, что Франция не намерена бросить все свои силы на оборону Западной Европы, а преследует и другие цели. Нам следует посмотреть, какие обязательства влечёт за собой включение «европейской армии» в Северо-Атлантический союз.

Французский министр информации Альбер Газье заявил на одной пресс-конференции: «План французского правительства относительно создания «европейской армии» предусматривает включение в состав этой армии солдат и офицеров, которые будут завербованы в Германии. Германцы будут допущены в армию на основах равноправия с солдатами других западноевропейских стран, решение заключается в создании Европы в присутствии германцев».

Как раз это нас и тревожит. Европа уже существует. Теперь её надо защищать. Для этой защиты нужны германские солдаты. Некоторые руководители изъявляют готовность уравнять этих германских легионеров в правах с солдатами других наций. Недоставало ещё того, чтобы германских солдат ставили ниже, чем других! Но господин министр заблуждается в самом главном: нам не нужен французский иностранный легион с увеличенным и улучшенным германским пополнением. Мы требуем свободы и равноправия во всех областях и для всего нашего народа.

Прислушаемся к одному голосу из Германии.

Председатель социал-демократической партии г-н Шумахер формулирует своё мнение в следующих словах: «Можно создать ситуацию, при которой была бы налицо готовность германцев к сотрудничеству. Она будет создана, если мировые демократии, включая США, в случае советской акции, которая развязала бы войну, стали оборонять Германию и притом Германию в целом, наступая на Восток, чтобы таким образом оградить её от тяжелейших разрушений новой войны. Решение войны нужно искать к востоку от Германии, на Висле и Немане, бросив туда все силы. Это единственная предпосылка для положительного или отрицательного ответа на вопрос о перевооружении Германии».

Г-н Шумахер считал, что западные державы должны сконцентрировать огромные силы на Эльбе; в противном случае, по его мнению, никто в Германии, и особенно молодёжь, не возьмётся за оружие. Он писал, что не видит причины, почему бы американским войскам не проходить обучение в Люнебургской пустоши или в Графенвере вместо Техаса и Аризоны.

Американский верховный комиссар Макклой, выступая вместе с господином Франсуа Понсэ, заявил: «Мы находимся в Германии, чтобы обеспечить стране и её населению безопасность и свободу». А генерал Омар Н. Брэдли писал в упомянутой уже статье: «Время для слов миновало. Уже осенью этого года следует перейти к делу. Мы надеемся, что за этими словами Америки достаточно быстро последуют дела».

Английский верховный комиссар сэр Киркпатрик выступил одновременно с другими верховными комиссарами и заявил, что сейчас нейтралитет Германии невозможен, потому что мир раскололся на два блока.

Мы предполагаем, что эти последние высказывания высших представителей оккупирующих держав в западных зонах Германии были результатом новых инструкций. Возможно, что они согласованы между собой. Нам придётся ими руководствоваться.

Итак, мы не обсуждаем здесь вопроса о германском вкладе. Западногерманская федеральная республика должна на первых порах ограничиться созданием полиции для борьбы с внутренними беспорядками, а в области своей внешней безопасности целиком полагаться на оккупирующие державы. Они хотят этого и, таким образом, берут на себя всю ответственность за Западную Европу.

Мы ещё раз задаём вопрос: могут ли западные державы вообще защитить Западную Европу?

На основании предшествовавших рассуждений мы даём ответ на этот вопрос, перечисляя предпосылки, при наличии которых можно, по нашему мнению, сказать «да». Эти предпосылки таковы:

1. Немедленное и достаточное усиление западных оккупационных войск в Западной Европе, включая Западную Германию.

2. Восстановление свободы и полного равноправия для Западногерманской федеральной республики во всех областях — духовной, политической, правовой и экономической, где в настоящее время нет ни свободы, ни равенства; тем самым одновременно будет уничтожена почва для марксистской пропаганды.

3. Унификация жизненного уровня германского населения с уровнем жизни в остальных западноевропейских странах.

4. Восстановление уровня вооружения западноевропейских стран до таких размеров, чтобы он мог превзойти уровень вооружения предполагаемого агрессора.

5. Создание какой-либо формы европейского объединения, которое включало бы все европейские страны как равноправных партнёров.

6. Включение в это объединение Великобритании. В противном случае оно останется туловищем без головы.

7. Концентрация всех сил западноевропейских государств на решающем участке, по нашему мнению — в Западной Европе, при отказе от далёких аванпостов, поглощающих много сил, не увеличивая боеспособности Западной Европы.

8. Расширение западноевропейской оперативной базы путём включения африканского пространства в общую систему европейской обороны.

9. Модернизация стратегических и тактических принципов межсоюзнического руководства на основе новых видов оружия и технических возможностей.

10. Сохранение мира, без которого все усилия США и западноевропейских держав будут безрезультатными.

В заключение приведём слова генерала Брэдли: «В современной войне солдаты без оружия беспомощны, а оружие без солдат — это вообще ничто».